

18+

Татьяна Гуркова

Пионеры провинциальной медицины

Татьяна Гуркова

Пионеры провинциальной медицины

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63696867
ISBN 9785005304940*

Аннотация

Повествование Татьяны Гурковой – увлекательный экскурс в историю медицины. На примере маленького провинциального городка – почти два века Российской медицины, от создания земских врачебных участков до формирования советской системы здравоохранения. Читатель имеет возможность познакомиться не только с событиями, но и с главными действующими лицами – врачами, фельдшерами, медицинскими сёстрами, фронтовыми санитарками и санинструкторами. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

О книге	6
Об авторе	8
Почему «пионеры» и к чему это я о них?	10
Пионеры провинциальной медицины	13
Медики в царской России	17
Российский подданный датчанин Ингверсен	24
Медицина в провинции XIX века. Моршанск и уезд	32
Земские врачебные участки и врачи начала XX века	38
Моршанская земская больница до 1917 года	46
Санитарная служба	53
Советская городская больница	64
Вне времени	66
Моршанские медики в истории советского здравоохранения	72
Новейшая история	88
Переход на личности	90
Нет поводов для грусти.	91
Докторъ	99
Выдающийся врач Поросятников	107
Молодой Надеждин	109
Доктор Глуховцов	115

Струве Эрнест Павлович	118
Владимир Павлович Филонович.	123
Дубовка. Дебют	126
Двигатель прогресса. Кузьма из деревни	130
Горюнок	
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Пионеры провинциальной медицины

Татьяна Гуркова

Редактор Т. Я. Финоженок

Корректор О. Л. Важенина

Дизайнер обложки Александр Родионов

© Татьяна Гуркова, 2021

© Александр Родионов, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-0494-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О книге «Пионеры провинциальной медицины»

«Пионеры провинциальной медицины» – книга не просто интересная. Она очень своевременная.

2020 год можно смело назвать годом медиков. Из-за новой, ещё не встречавшейся миру коронавирусной инфекции, на плечи врачей легла огромная нагрузка и невероятная ответственность за здоровье отдельных людей, за судьбу страны, а по большому счету – и всего человечества.

И особенно – на врачей в провинциях: в региональных центрах, в отдалённых городах, деревнях, в крошечных посёлках. На тех, кого когда-то называли «уездный лекарь», «земский доктор», кто и 200, и 150 лет назад, и сегодня является базисом, опорой и надеждой отечественной медицины.

Книга Татьяны Гурковой – это не только рассказы о людях в белых халатах, но и увлекательный экскурс в историю зарождения полноценной, профессиональной врачебной помощи в России, сложностей ее становления (как много параллелей можно увидеть в дне сегодняшнем – никуда не делись людские предрассудки, беспечность, у кого-то вера в докторов, а у кого-то суеверия).

Но главное – конечно, люди. Доктора, медсёстры и санитарочки, которые оживают на страницах книги. Автор вспомнила о тех, кто начинал врачебную практику в Моршанском уезде ещё при царях; не забыла о тех, кто в первые годы советской власти боролся с тифом, холерой, туберкулезом, выстраивал в уезде систему здравоохранения; кто в суровые годы Великой Отечественной войны ушел на фронт, спасал раненных, вернулся и продолжал свою миссию быть спасителем душ и тел уже в мирной жизни.

Уверена, книга Татьяны Гурковой окажется важным памятным документом для потомков тех, чьи предки вошли в число пионеров Моршанской медицины, будет полезна студентам медицинских вузов и колледжей, станет подарком всем врачам нашего XXI века.

Е. Кольцова

Об авторе

Автор книги «Пионеры провинциальной медицины» любит копаться в истории, но не с целью написания научного труда или утверждения превосходства научных сотрудников над рядовыми обывателями. Нет, автору подавай историю в массы. Собственно и целью при написании этой книги было сохранение исторической памяти о подвижниках медицины в доступном для всех формате.

Татьяна Сергеевна Гуркова (урождённая Финоженок, она же Кочегарова) родилась в г. Моршанске Тамбовской области. Уезжала жить и работать в Москву, но поняла, что её место здесь, в маленьком городе, и вернулась. Она знакома некоторым моршанцам по работе на региональном телевидении, где кроме новостных сюжетов занималась ещё и историческими программами.

Сегодня она, помимо написания книжек, является заведующим Моршанским историко-художественным музеем им. П. П. Иванова – филиал ТОГБУК «ТОКМ», членом Союза журналистов России. Имеет два высших образования. Автор книги «От графини Шуваловой до Продимекса» об истории сахарного производства в Заметчино и неизданной, но широко известной в узких кругах книги «Малыш и дворник Вячеслав и другие обитатели конторы». Участник издательского проекта «Дорогие мои старики», автор 4 сбор-

НИКОВ.

*Моршанский
музей им. П. П. Иванова*

историко-художественный

Почему «пионеры» и к чему это я о них?

Сначала было слово, которое, как известно, не воробей, вылетит – не поймаешь. Я подбирала материалы для доклада о деятельности доктора Берндта. Находясь в помещении фондов, я вслух произнесла: «Потрясающе интересно. Врачи того времени столько испытали, столько прошли, хоть книгу о каждом из них пиши, серия такая: пионеры провинциальной медицины. Главный хранитель Галина Викторовна на это ответила: «В чём же дело, Татьяна Сергеевна?! Возьмите и напишите». Моя фантазия, которая было, закрутилась как у Остапа Бендера в Васюках, притихла. Верх взял здравый смысл, и я пошла на попятную, вяло оправдываясь: да кому она будет нужна, эта книжка? «Да и материала мало», – подсказывал здравый смысл. В общем, пришла я из фондов в свой кабинет задумчивая и притихшая. В это время заглянул с отчётом о выполненном задании дворник Вячеслав. И с порога с вопросом:

– А, правда, Вы книжку написали, Татьяна Сергеевна?

– Слава, ну ты же видел, про историю сахарного производства...

– Да нет же! Про нас, про Моршанск, про людей там всяких, про старых врачей. Про Максимова написали? Он хоть

и, ну того, выпивал, но доктор классный был... Он как Вы, всем помогать старался, добрый такой был, а про него никто не пишет, ничем не награждали его, так и помер скромным.

– Слава, да с чего ты взял?! Когда мне книжки писать?! Стройка не закончена, проблем выше крыши, да и та течёт... и кто будет такую книжку читать?

– Я буду, Татьяна Сергеевна, мамка моя. Да все мы будем. И кореша мои, и все девчонки музейные. Только Вы ещё про Лёню-художника из «ритуала» напишите, что хороший он парень был, хоть и пил, и жизнь у него так себе получилась.

Эх, Вячеслав, знал бы ты, как близко к истине находишься, как хочется иногда написать обо всех этих людях, жизнь которых была полна разнообразных коллизий, труда, самопожертвования, а в итоге забыта. Конечно, я не бросилась тут же стучать по клавишам, но мысль в голову закралась, более того, она поселилась там и время от времени шпыняла, подтачивала, мол, несправедливо так, напиши. Впрочем, мы с вами современные люди и к лёгким уколам совести имеем иммунитет. Так и я бы не собралась ещё неизвестно сколько, но всё расставил по местам случай. У меня в разгар отпуска и ремонта отнялись руки. Не совсем отнялись, конечно, просто появилась проблема со здоровьем, не позволяющая делать практически ничего. Я поняла – пора. Пора писать о Моршанске, людях его, но начать нужно с пионеров провинциальной медицины.

Моршанск. Сентябрь 2019 г.

Пионеры провинциальной медицины

Город Моршанск своим прошлым может гордиться. И это прошлое существует не только в легендах и рассказах старожиллов. Есть в фондах Моршанского историко-художественного музея документы, достоверные свидетельства очевидцев, фотографии, а на улицах города – память о прошлом, запечатленная в архитектуре. До начала 21 века почти в полной сохранности существовал старый центр, его архитектурный ансамбль. С 1990-го по 2004 год Моршанск носил официальный статус «Исторический город России», присвоенный вполне заслуженно, в городе на тот момент имелось большое количество объектов (домов, учреждений, мест) с многолетней интереснейшей историей. К их числу можно отнести и Моршанскую ЦРБ (Центральная районная больница). Страницы прошлого этого лечебного учреждения столь замечательны, что о них должны знать не только музейные сотрудники и книжные червяки вроде меня. Хочется познакомить с ними широкий круг читателей. Оговорюсь сразу. Я решила ограничить рамки своего повествования: от земской медицины до строительства современного корпуса Моршанской ЦРБ. В эти рамки как раз вписываются дореволюционной формации доктора, приехавшие в Моршанский уезд са-

мыми настоящими пионерами, и молодая медицинская поросль советских лет, военные врачи и выпускники фельдшерско-акушерской школы. Все те, кто строили, развивали, пробивали, были в чём-то первыми. Я не ставлю своей целью составить научный труд об истории медицины, нет у меня информации обо всех медиках, работавших на территории Моршанского уезда (позднее района), есть большое желание сделать общим достоянием те крупницы памяти, что сохранились в музее или найдены мной за время работы. Прошу строго не критиковать мой не до конца научный подход к повествованию. Я долго сомневалась, каким должно быть повествование: правильно оформленным, в научном стиле, с кучей ссылок на миллион источников или человеческим, легко читаемым, заставляющим пробежаться взглядом от первой до последней страницы. В итоге выбрала для себя формат «сохранение исторической памяти», где-то сухо-ватый и биографичный по-научному, где-то живой как мы с вами и наши рассказы о близких людях. Кстати, о близких: поначалу мне казалось, что собирать материал для этой книги было бы легче, имей я в консультантах медика или члена семьи врачей, в моём распоряжении были бы забавные случаи, легенды, байки, сплетни, драматические подробности, но тогда я лишилась бы преимущества – беспристрастности. Поэтому в написании своей книжки, а я надеюсь, что всё-таки будет книжка, я руководствуюсь только уважением к этим людям-пионерам провинциальной медицины, восхищением

силой их духа, масштабом дел, свершённых ими, и моим желанием сохранить память о подвижниках медицины, посвятивших свои жизни спасению чужих.

С тех пор, как мною были сделаны первые наброски историй о пионерах провинциальной медицины, я сотни раз переделывала тексты, переписывала, дополняла, сокращала, то добавляла серьёзности, то выбрасывала пафос, временами позволяла личные и даже оценочные суждения, а потом искореняла их все разом. Мне хотелось получить более ровную и упорядоченную структуру повествования и в то же время оставить образы своих героев живыми, а не плоско-энциклопедичными. Хочу, чтобы Вы вместе со мной увидели великолепного фактурного доктора Филоновича, его приезд в сельскую больницу Дубовки (Сосновка или Липовка?), его товарища Веролоубина (Григорий Надеждин, тот самый, что прославится потом в Гатчине, всё сходится), чтобы посочувствовали трагическому окончанию карьеры Эрнеста Павловича Струве, удивились перипетиям жизненного пути Софьи Гоф, рукоплескали Быстрову, опередившему время, прониклись уважением к Милоглазову. Хочу, чтобы вспомнили, а кто-то и узнал впервые о врачах Зиминых, о том, сколько сделали они для развития медицины, о том, что улица Лотикова, пусть и непродолжительное время, называлась улицей Зимина.

Из-за музейной стройки времени у меня на работу с книгой было совсем немного. Я подчас даже опасалась, что

не доведу начатое до финала. Как вдруг коронавирус и вынужденная самоизоляция в начале апреля позволили мне вновь всерьёз и надолго погрузиться в повествование, в историю провинциальной медицины. Признаюсь, иногда я слишком увлекаюсь, и тогда история медицины, в которой я вовсе не ас, прорывается на эти страницы. Опомившись, я резко вычищаю лишнее, дабы не усложнять восприятие. Мне и сейчас, после всех перекраиваний текстов, хочется не только осветить наши фондовые коллекции, но и показать судьбы людей. Я хочу, чтобы у Вас, мой читатель, после знакомства с ними осталось какое-либо послевкусие, послесловие, а уж если кто-то из них Вам полюбитя или запомнится, это станет наивысшей удачей для меня.

Медики в царской России

С медициной в России, смотря о каком периоде и о каких местах государства Российского речь вести, дела обстояли по-разному. В больших городах и больницы с лечебницами были, вспомните про умершего в больнице Левшу, всем известного героя Лескова. В Петербурге времён Пушкина насчитывалось около 300 докторов. В медвежьих углах всё чаще к знахарям и повитухам обращались, хорошо, если фельдшер поблизости был, а то – вместо медиков священнику приходилось управляться.

На просторах интернета мне попала статья о развитии медицины в России. Целиком она мне была не нужна, сведения я черпаю из более академичных источников, но для создания полного и живого образа (по старой журналистской привычке) я стараюсь любую тему рассмотреть под разными углами, в разных ракурсах, со всех сторон. С удовольствием привожу цитату из статьи (автора обязуюсь установить и указать в источниках): «О состоянии медицины в средневековой России можно судить по лечебникам того времени. В них описываются операции черепосверления, чревосечения, ампутации. Для усыпления больного использовались настой мака или мандрагоры, а также вино. Врачеванием занимались костоправы, кровопуски, зубоволоки и другие «резалники». С целью дезинфекции инструменты обрабатыва-

лись на огне. «Раны обрабатывали березовой водой, вином и золой, а зашивали волокнами льна, конопли или тонкими кишками животных». Несмотря на неразвитость технологий, язык не поворачивается сказать про отсталость, несомненно – пытливый ум был у средневековых врачей. Позабавило упоминание о настойке мандрагоры, сразу представила себе Гарри Потера-мальчика волшебника из книжек Джоан Роулинг или Хагрида. Пожалуй, он, с его силой и знаниями, мог бы быть хорошим костоправом и даже средней руки целителем. Но шутки в сторону, поговорим о прошлом медицины серьёзно.

С момента основания Российской империи государство делало упор на развитие военной медицины. Сначала, пока не было своей медицинской, госпитальной школы, практиковался ремесленный способ обучения лекарскому делу. Брали на военную службу по контракту лекаря из иностранцев, благо претендентов было достаточно, к нему для обучения приставляли стрельцов или стрелецких детей из числа способных и знающих язык. Учёба продолжалась несколько лет, зависело от разных обстоятельств, сколько именно, потом ученик, если выдерживал экзамен, получал звание лекаря и так же, как иностранный «учитель», направлялся в полк. Отголоски такого «ремесленного» обучения докатились до начала двадцатого века. Так, Аким Федякин, уроженец Моршанского уезда, речь о нём пойдёт ближе к концу книги, прошёл лекарские курсы во время службы в армии.

Этим определилась вся его дальнейшая жизнь. Конечно, потом он учился ещё, новое время диктовало новые условия, но начало было положено старинным способом.

В те же годы, когда государство было озабочено созданием института военной медицины, гражданские лечебницы открывались частными лицами. Были ещё и монастырские больницы, но они, как правило, создавались не столько для лечения больных, сколько для призрения престарелых, увечных и умалишённых. В Моршанске богадельни открывались и содержались за счёт меценатов, купцов, богатых землевладельцев, даже на средства зажиточных крестьян, например, крестьянки Копейкиной. Начало централизованной правительственной организации медицинской помощи гражданскому населению России датируется второй половиной XVIII века, когда в 1775 году был учреждён Приказ общественного призрения. Только вот до провинции эта помощь дошла нескоро, в несколько усечённом объеме.

Если мы полистаем исторические романы, повествующие о жизни российских государей, то в каждом из них нам, так или иначе, встретится упоминание о врачах с иностранными фамилиями. Не вдаваясь в подробности про Аптекарскую палату и Аптекарский приказ, обратим внимание на правление Алексея Михайловича, когда было приглашено из-за границы 11 докторов медицины и более 50 лекарей. Ко времени правления Петра I при дворе выработался целый механизм приёма иностранных медиков на российскую службу.

Собирая материалы о жизни и службе иностранных лекарей в России, я пришла к выводу (если он ошибочный, то можете со мной не соглашаться, я не обижусь), что положение иностранных медков в нашей стране было весьма неоднозначным. С одной стороны их учёность долгое время считалась непререкаемой и требовала к себе должного уважения. С другой стороны их деятельность частенько вызывала подозрения и не всегда беспочвенные, придворные иностранные медики не раз оказывались замешанными в политических интригах. Отсюда вполне понятные раздражение и озлобление, которые подчас выливались из угроз в реальное насилие, погромы. Однако если злость против подрывной деятельности по заказу западных властителей вполне понятна, то встречаются в исторической литературе обвинения докторов в отравлениях, наведении порчи, колдовстве и ведовстве. Иногда, о, это русское «лес рубят – щепки летят», иностранные доктора попадали под горячую руку во время борьбы с колдовством и ересью. В Указе царя Алексея Михайловича от 1653 года было сказано без затей: «Таких злых людей и врагов Божиих велено в срубях сжечь безо всякия пощады и дома их велено разорить до основания». Естественно, это крайность и большинство иностранных медиков поступали на службу к русским государям на законных основаниях, зачастую даже по рекомендации монарших особ своей родной державы.

Приглашённый лекарь должен был выдержать испыта-

тельный экзамен, справившийся, получал жалованье и обязывался служить по «части медицинской» не менее шести лет. Помимо приличного денежного довольствия успешные лекари бывали высочайше жалованы дворянством (сначала личным, а затем и потомственным) и рядом определённых привилегий. В соответствии с «Положением о классах медиков и производстве их в чины», утверждённым Николаем I в 1834 году, лекарь с 4—7 летним стажем «беспорочной службы», представивший в Медицинскую коллегию «достойное внимания наблюдение или рассуждение по части медицинской» мог претендовать на получение «штаб-лекарского» звания. Позднее условиями пожалования в штаб-лекари стали определённая выслуга и «способность к исправлению должности». Штаб-лекарь – старший лекарь, это звание давало право занимать ответственные административные должности. По правилам того же «Положения о классах медиков и производстве их в чины» через 3—6 лет «ревностного и беспорочного служения» они могли быть представлены к чину титулярного советника (IX класс Табеля о рангах), а через 8 лет – к чину коллежского асессора (VIII класс). Лекарь мог дослужиться до надворного советника (VII класс). Присвоение классного чина повышало престиж профессии и социальный статус. За производство в классный чин и получение соответствующего патента с медиков вычиталось месячное жалованье в пользу госпиталей. Всё прекрасно, но не настолько, как кажется: иностранные док-

тора чувствовали себя в России в целом комфортно, их работа хорошо оплачивалась, поэтому местами своими они дожили, и конкуренции со стороны русских опасались. Из-за этого до конца XVIII века русскому медику очень сложно было получить степень доктора и достойную должность. Даже когда правительство начало прикладывать усилия для создания своей собственной, российской медицинской школы, иностранные представители профессии, занимающие влиятельные посты, препятствовали получению русскими полного медицинского образования, продвигая идею, будто бы русскому лекарю достаточно практических простейших навыков, поэтому госпитальные школы и выпускали лекарей, а степень доктора долгое время оставалась недоступной для русского. Даже докторские степени, полученные русскими за границей, признавались очень неохотно, и то, только в ходе длительных сенатских разбирательств.

В 1834 годы для медиков были введены форменная одежда и знаки различия. Примерно с того же времени, может быть чуть позже, начал широко применяться термин врач (далее городской и земский) вместо лекаря. В Царской России ежегодно издавался «Российский медицинский список», в котором публиковались, в том числе и списки врачей с указанием Ф. И. О., звания, чина и ведомства. Именно там Андрей Анатольевич Павлов в поисках родовых корней нашёл сведения о свои предках – врачах в разделе «Алфавит медицинским чиновникам, имеющим полное право

на производство в России врачебной практики»: Ингверсене Матвее (Матиасе) Мартыновиче, его сыне Эдуарде Матвеевиче Ингверсен и военном медике Милоглазове Иване Ивановиче. Честно скажу, объём информации, который собрал этот человек, просто поражает. Мы с ним познакомились как раз в разгар его исследований; Андрей Анатольевич, потомок моршанских медиков с датским происхождением Ингверсенов и исконно русских Милоглазовых обратился в наш музей (Моршанский историко-художественный музей им. П. П. Иванова) с просьбой о помощи. Материал был, не слишком богатый, но всё-таки полезный, поэтому, когда работа была закончена и вышла в печатном виде история рода Ингверсенов, Серебряковых, Милоглазовых, Андрей Анатольевич поделился с нами итогом своих трудов – подарил экземпляр книги. Мы по очереди зачитывались ею, настолько интересными оказались исторические пересечения.

Российский подданный датчанин Ингверсен

Естественно, мы в музее знали, что был когда-то лекарь в Моршанске по фамилии Ингверсен. Встречали упоминание фамилии и кое-что по мелочи. Возможно, уровень наших познаний оставался бы таким же ещё сто лет, но появился Андрей Анатольевич Павлов, серьёзно настроенный на поиски предков вплоть до седьмого колена. Повезло и ему, и нам. Ему в поисках, нам – в том, что Андрей Анатольевич проникся симпатией к музею (во многом благодаря главному хранителю Галине Викторовне Казиной) и захотел оставить память о себе, подарив готовую родословную, начинающуюся с Матиаса Ингверсена.

Матиас Ингверсен родился в 1799 году в семье врача-фармацевта Казимира Мартинуса и Йохан Фредерик Ингверсен. Ингверсены проживали в центральной части Дании, недалеко от города Орхус. Его отец (1743 г.р.) с 1770-го по 1810-й год работал фармацевтом в аптеке «Loveapoteket» (что-то типа любимая аптека) в городе Орхус.

Матиас Ингверсен с детства видел приготовление лекарств, интересовался работой отца, поэтому проблемы выбора профессии перед ним не стояло: однозначно, медицина. Образование Матиас Ингверсен получил в старейшем уни-

верситете Европы в Копенгагене, там же сочетался браком с уроженкой Копенгагена Каролиной Франциевной Стрибольт, родившейся 29 августа 1803 г.

28 июня 1825 года молодые супруги из Дании приехали в Россию. Матиас Ингверсен надеялся поступить по контракту на Российскую медицинскую службу, так делали в то время многие его коллеги. 6 января 1826 года датчанин успешно сдал экзамен в Санкт-Петербургской Императорской Медико-Хирургической Академии и был удостоен звания лекаря. Управляющим Министерства Внутренних Дел 14 января 1826 года определён на вакансию уездного врача в город Елатьму Тамбовской губернии. В этом же году произведён в Титулярные советники со старшинством со дня поступления в Российскую службу, а 28 июня 1829 года в Коллежские Ассессоры со старшинством. В Елатьме у них с женой родилось семеро детей. То, что дети родились в России, когда их отец находился на Российской службе, дало им право на получение в будущем потомственного дворянства вместе с отцом.

Проработав 6 лет в Елатьме, в июле 1831 года «по желанию переведён высшим начальством на вакансию уездного врача в город Моршанск». Именно в это время там свирепствовала холера, и лекарь Ингверсен оказался на переднем крае борьбы с эпидемией. В исторической повести Владимира Селиверстова «Губернатор Миронов», опубликованной в Тамбовском альманахе №5 в июле 2008 года, в главе

«Тамбовская холера» сказано: «Уездный лекарь Ингверсен и частный врач Беккер готовились вскрывать первый холерный труп в Моршанске. Приготовили ланцеты, иглы, нитки, но в морг ворвался больничный смотритель купец второй гильдии Ширяев и прогремел непререкаемо: – „Резать не велю, а коли ослушаетесь, то позову народ и всех вас тута перебьём, как собак!“ Врачи возражали: – „Поймите, труп вскрывать надо непременно, иначе причина смерти неизвестной останется. Холера это или что другое“. Купец приотпнул хромовым сапожищем: – „Молчать, басурмане, и поступать у меня по-божески, а не по-немецки“. Ну-ка вон отседова!»

Бедные эскулапы побросали инструменты и едва успели унести ноги через ту дверь, где покойников выносят».

Кто знает, возможно, от той же самой заразы 7 октября 1831 года у Ингверсена умерла жена Каролина, в самый разгар эпидемии холеры. Горе не отразилось на его рвении к работе. В 1833 году Матиас Ингверсен «по Высочайшей воле, за отличную ревностную службу» награждён гранатовым браслетом. В 1835 году ему присваивается звание штаб-лекаря. В 1837 году он принимает Российское гражданство и становится подданным России, вместе с детьми присягнув Российскому престолу.

15 октября 1837 года он «женился вторым браком с девицею Екатериной Васильевной, дочерью богатого моршанского купца Василия Евсеева Томилина, о чём сделана за-

пись в метрической книге за 1837 год, города Моршанска, Барашевской Никольской церкви». От нового брака родились ещё 8 детей. Если дети от первой жены были лютеранского вероисповедания, то дети от второй жены уже крещены в православной вере в Никольской церкви Моршанска. И сам Ингверсен пишется уже не как Матиас, а на русский лад Матвей Мартынович.

Дом Ингверсенов стоял в двух кварталах от церкви, на месте выхода Почтовой улицы на Набережную. Новый брак улучшил материальное положение Матвея Мартыновича. Доктор получил широкую известность, и даже популярность, среди богатого купечества и помещиков, чему немало способствовал его тесть. В 1838 году семья проживает уже в отстроенном заново каменном доме в Моршанске в конце улицы Дворянской (ныне Гражданской), владеет «благоприобретёнными» мужского пола 4 душами. Позднее он приобрёл имение Ломовис (Ломовицы) в селе Малое Шереметьево и 22 человека крепостных. Карьера его благополучно продвигается. В 1840 году Матвей Ингверсен уже имеет чин Надворного Советника (VII класса), а с 1845 года получает чин Коллежского Советника (VI класса), что довольно редко для уездного лекаря.

В формулярном списке «О службе и достоинстве Моршанского уездного врача Матвея Мартынова сына Ингверсена 1838 года», найденном наследниками и потомками доктора, в графе «Служба» есть интересная запись. «...*В тече-*

ние 5 лет с 1 января 1832 года по 1 января 1837 года отпускал без денежно, для больных арестантов, находившихся в Моршанской тюрьме, медикаменты из собственных своих средств, не требуя за это платы».

В 1847 году, после получения потомственного дворянства, М. М. Ингверсен разработал и оформил дворянский герб, который занесён в общий Гербовник Российского дворянства (Д.С., том VI, стр. 62 (sdguvi-62). Описание герба, предоставленное Андреем Анатольевичем Павловым, выглядит так: «Щит разделён диагонально от верхнего левого угла голубою полосою с серебряными клеймами, в верхней части в красном поле улей с летающими пчёлами, в нижнем золотом поле сова, сидящая на ветке. Щит украшен дворянским шлемом и короною с тремя страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложенный золотом».

В лучших традициях дворянства обучению детей придавалось большое значение. Так как семья была обеспеченной, за ними смотрели няни, гувернантки обучали манерам и французскому языку, на дом приходили учителя музыки и пения. Помимо нянь и гувернанток за детьми присматривал и дядя – датчанин Вильгельм Францевич Стрибольт, брат первой жены Ингверсена, художник. Его картина «Хлебная пристань в Моршанске» хранится у нас в музее №1867 МРКМ.

Умер старший Ингверсен в Моршанске в 1859 году в возрасте 60 лет. Продолжателем профессии в семье стал его

сын Эдуард. Отец дал ему отличное образование, чего стоит только то, что юноша был определён на учёбу во 2-ю Гимназию в Москве (их на тот период было всего две).

Эдуард Матвеевич Ингверсен, последний ребёнок от первого датского брака родился 15 сентября 1830 года. В августе 1849 окончил полный курс гимназии. « В том же году, с разрешения Главного попечителя Московского Учебного округа, без экзамена принят, принят был в число студентов Императорского Московского Университета на Медицинский Факультет».

После учёбы в Университете Эдуард занимался врачебной деятельностью в Моршанске вместе с отцом. В «Медицинском Списке» Эдуард значится лекарем с 1860 года, титулярным советником с 1865 года, коллежским ассессором с 1870 года. Лекарем отработал 30 лет, до 1890 года. Последнее упоминание о нём встречается в 1898 году в Списке лиц, имеющих право участия в избирательном съезде Моршанского уезда, для избрания уполномоченных в земское избирательное собрание для выбора гласных на трехлетие с 1889 года на основании 24 ст. Положения о земских учреждениях 12 июля 1890 г. стр.47—1998/3. Ему исполнилось тогда 68 лет. Сведений о смерти найти не удалось, зато есть сведения о браке.

Запись в метрической церковной книге о заключении брака: *«17 января 1860 года венчались Моршанский уездный лекарь, титулярный советник Эдуард Матвеевич Ингверсен,*

лютеранского вероисповедания, первым браком, 30 лет и девица Наталья, дочь Моршанского Почётного гражданина Александра Михайловича Серебрякова, православного вероисповедания, 17 лет». Поручителями со стороны невесты являлись её родной брат Николай Александрович Серебряков и Николай Аркадиевич Томилин – родственник второй жены Матвея Ингверсена. Зажиточные моршанские купцы снова породнились с семьей врачей Ингверсен, выходцев из Дании, обретших вторую родину в России, в уездном Моршанске. У Эдуарда и Натальи родились две дочери Софья (1860 г.р.) и Анна (1862 г.р.). В приобретённом отцом имении Ломовицы (земельный участок 160 десятин, 1200 сажень) был отстроен новый большой дом, в который впоследствии приезжали родственники и гости, вплоть до самой революции. После революции крестьяне вынесли всё имущество, а дом разобрали на стройматериалы.

Как мы помним, Матвей Ингверсен был женат дважды и имел 13 детей. Этот факт даёт простор для генеалогических изысканий. И, действительно, множество открытий поджидало исследователя родового древа Андрея Павлова. Оказывается, внучка Матвея Ингверсена, дочь Эдуарда Ингверсена, Софья Эдуардовна (1860—1942 гг.), связана браком с офицером 10 Гренадерского Малороссийского полка Митрофаном Ивановичем Милоглазовым, отец которого, надворный советник Иван Иванович, из духовной семьи, служил военным лекарем, в отставке жил в Воронеже, где

получил потомственное дворянство. Софья и Митрофан познакомились на балу в дворянском собрании Моршанска, когда полк стоял в городе. Из поколения в поколение в семье передаётся история их знакомства. Оба очень хорошо танцевали, особенно мазурку, когда они выходили её танцевать, им освобождали весь зал, чтобы красивая пара радовала взоры собравшихся прекрасным зрелищем. В этом браке родилось 7 детей. Среди них Константин Митрофанович Милоглазов, который станет впоследствии известным в Моршанске врачом, начальником военного госпиталя, преподавателем ФАШ, заведующим терапевтическим отделением городской больницы.

Впрочем, повествование должно быть последовательным, не буду забегать вперёд и вернуться в девятнадцатый век к истории провинциальной медицины.

Медицина в провинции XIX века. Моршанск и уезд

Общественное здравоохранение началось в России с создания «Императорского человеколюбивого общества» в 1802 году во время царствования Александра I. Под патронажем вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны внедрялись такие революционные для России меры, как массовая вакцинация против оспы, лечение на дому, оказание медицинской помощи в приютах, тюрьмах, исправительных домах. Средняя продолжительность жизни в России на тот момент составляла чуть более 31 года. В сельской местности часто происходили эпидемии, сопровождавшиеся высокой смертностью. Так в 1831 году при появлении холеры в с. Перкино Моршанского уезда и в г. Моршанске было зафиксировано не только увеличение смертности, но и народные волнения. Их волна прокатилась по всей губернии. Для борьбы с эпидемией был составлен губернский комитет, организовавший ряд карантинных, кордоновых, заставных, пикетных рядов. Рядовые граждане восприняли это негативно. Крестьяне в сёлах твердили: «Холеры у нас нет и быть не может, такой болезни у нас не бывало. А что люди начали помирать, так это действует отравой, пущенная господами, лекарями в речки, колодцы и на воздух». Более того, когда 13 августа 1831 года уездный

лекарь Ингверсен и частный лекарь Беккер хотели вскрыть холерный труп, больничный смотритель Ширяев запретил им, заявив, что надо поступать по Божьему, а не по-немецки. Не сочтите за повтор цитируемого в предыдущей главе автора. Об этом случае мне доводилось читать не один раз. О нём рассказывалось в статье П. Крылова «Моршанские медики в XIX веке», напечатанной в местной газете «Коммунист», о нём упоминалось в записях краеведов, хранящихся в фондах музея, о нём говорится в докладе, посвящённом прошлому медицины, подготовленном научным сотрудником музея в середине двадцатого века. Описанный инцидент спровоцировал новую вспышку народного гнева, холерная смута распространилась по всей губернии, в городах и сёлах громили больницы, убивали врачей. Крестьяне препятствовали строительству заградительных холерных кордонов. От государства требовались кардинальные меры по исправлению ситуации. Бунты были подавлены с помощью военной силы, в Моршанске, как первоочередной шаг, построены три холерных барака в районе 2-го городка на ул. Дворянской (ныне Гражданская) по проекту губернского инженера Четверикова. Самым большим шагом в решении проблем медицины стало принятие в 1864 г. «Положения о земских учреждениях», где среди прочих перед органами земского самоуправления была поставлена задача о «попечении народного здоровья». В России начала формироваться земская медицина. От Приказа общественного призрения в ведение земских

организаций передавались губернские больницы, психиатрические лечебницы, фельдшерские и повивальные школы. К ведению земств относились расходы на содержание медицинских учреждений, борьба с эпидемиями, организация новых лечебных заведений, развитие сельской медицины. 20 декабря 1865 г. Губернское тамбовское земское собрание утвердило инструкции для земской управы, в соответствии с которыми медицинская организация всей губернии передавалась в ведомство земства. Трудности начались сразу же. Все знали о них, но не думали, что будет настолько проблематично наладить работу. Как таковой, сети медицинских учреждений на просторах Российской империи в 60-е годы девятнадцатого века не существовало. Вот такой парадокс: медицина вроде есть, а чуть отодвинься в сторону от больших дорог в сторону провинции – и не скажешь, существует медицина или её нет. Профессиональные врачи принимали в столицах, губернских центрах, в лучшем случае – уездных городах (и то по одному на уезд). Имущие слои населения либо платили за свое лечение, либо обращались к уездным или частнопрактикующим врачам. Большая часть сельского населения к имущим слоям не относилась и не могла себе позволить услуги частного доктора, следовательно, обращалась к фельдшерам, знахарям, священникам. Поэтому, когда на престол заступил Александр II, то одним из направлений его реформ стало развитие земской медицины. Основной задачей стало обеспечение доступности здравоохранения все-

му населению страны и сотрудничество с фабрично-заводской медициной. После эпидемии холеры 26 августа 1866 года вышло Положение об организации стационаров на предприятиях, где занято свыше 1000 рабочих, из расчета одна больничная койка на сто рабочих. Владельцев промышленных предприятий обязывали содержать больницы и амбулатории: согласно статье 107 Устава о промышленности запрещалось брать с рабочих плату за медицинскую помощь, а также лекарства, уход во время болезни, обеспечение санитарно-гигиенических условий. Задумок было много, много строилось планов и задач, но либо средств недоставало на воплощение, либо эти средства до провинции не доходили по известным или неизвестным причинам.

В этих условиях земствам предстояло создавать новую структуру медицинского обслуживания населения (особенно крестьянского и городского податного сословия), чтобы она могла решить проблемы равномерного распределения фельдшерских пунктов по уезду, строительства или устройства больниц и бесплатного лечения всех, кто платил земские сборы.

Во время становления системы земством неоднократно производились решения об отмене платы за лечение и о ее восстановлении; помимо этого существовал 3-х и 5-копеечный сбор с амбулаторных больных, взимаемый за совет и лекарство, который к 90-м годам XIX века почти везде был отменен. Окончательно вопрос был решён только к 1910 году.

Принцип бесплатности стал к тому времени одним из основополагающих в земской медицине.

Несомненно, что бесплатная земская медицина стоила немалых денег для самого земства. С 90-х годов XIX века земства все более принимали на свой счет содержание фельдшерских пунктов, оспопрививание и т.п., а вместе с тем начинали отменять или понижать больничную и амбулаторную плату – и в результате происходило значительное повышение сметы.

Земство приняло на себя непростую ношу. Сначала пришлось бороться с голодом, следом за ним пожаловала эпидемия – к весне 1892 года в городе отмечались случаи тифа и холеры. Помимо вспышек заболеваний то тут, то там обнаруживались в пригороде и даже в черте города какие-то грязные склады кож, тряпья, костей, необходимо было от них избавляться. Всё это тоже входило в сферу деятельности земства, а ещё обустройство земских больниц, приёмных покоев, фельдшерских пунктов. Земство готовило и собственные медицинские кадры. Для этой цели земские собрания назначали стипендии и оплачивали учебу способных молодых людей разных сословий, имеющих среднее образование, в университетах Российской империи. Так же земства организовывали сеть учреждений для подготовки младшего и среднего медицинского персонала. При губернской больнице на средства земства действовала фельдшерская школа, в ней учились, в том числе, и желающие получить специ-

альность из Моршанского уезда. Размеры оплаты, характер и формы врачебной помощи, жалование медицинскому персоналу (врачам, фельдшерам, оспопрививателям, повивальным бабкам), определялись каждым земством индивидуально, исходя из местных условий.

Земские врачебные участки и врачи начала XX века

Русская медицинская школа к концу XIX века заняла одно из ведущих мест в Европе. Русские врачи изучали передовой мировой медицинский опыт и регулярно обменивались опытом со своими зарубежными коллегами, практиковались не только на трупах, но и в лучших европейских клиниках. Практикующие врачи, даже врачи из глубинки, могли по заслугам получить научную степень доктора медицины. Статьи земских врачей из провинциальных больниц публиковались в специальных медицинских изданиях. Образовательный уровень врачей значительно повысился. Высочайше утверждённые «Правила испытания врачей, фармацевтов, ветеринаров, дантистов и повивальных бабок» упорядочили ученые степени и звания врачей: учено-практические, учено-служебные и специально-практические. Для соискателей медицинских степеней и званий предусматривались экзамены, на звание уездного врача и члена врачебной управы – особые, так как медицинскому чиновнику, помимо профессиональных познаний, необходимы были и знания медицинского законодательства, делопроизводства, широкого круга медицинских и смежных дисциплин, в том числе судебной медицины, эпидемиологии, социальной гигиене-

ны, ветеринарии, токсикологии и других. Были разработаны и внедрены «Должностные инструкции для врачей, фельдшеров и повивальных бабок», которые регулировали стандарты медицинской помощи.

Моршанские врачи. 1900 г.

«Российский медицинский список» (официальное издание Министерства внутренних дел, удостоверявшее право практики, включенных в него врачей) накануне Первой мировой войны, насчитывал более 42 700 фамилий, в том числе 28 240 лекарей и докторов медицины, 3120 женщин-врачей, 5330 провизоров, 112 магистров фармации и 5800 зубных врачей. Земские медики Моршанского уезда тоже были

В этом списке.

В России была создана система участковых врачей, до этого не имевшая аналогов в мире, а следом сложилась уникальная структура (из трёх звеньев) медицинской помощи населению: врачебный участок, уездная и губернская больница. Лечение в каждом из этих медицинских учреждений было бесплатным. Здесь, на земских врачебных участках, формировались традиции подвижничества, милосердия, сострадания. Все принципы, на которых воспитывались земские врачи, и которые казались на первый взгляд неприемлемыми после революции и смены государственного строя, оказались востребованными на ниве провинциальной медицины, впрочем, об этом позже.

К началу двадцатого столетия в Мошанском уезде работало 11 врачебных участков. Не во всех были больницы, в некоторых только врачебные пункты. Заглянув в адрес-календари первых лет века, можем узнать, жителям каких территорий повезло больше.

1 участок – Сосновский. Здесь есть больница, расположенная в центре участка в селе Сосновка и два врача – н. ч. Сергей Федорович Медведков и Иван Лукич Свинцов (позднее на страницах этой книги не раз встретится его фамилия). Позднее врачей прибавилось. Прибыл Андрей Дмитриевич Запольский и Павлова Мария Александровна, ставшая впоследствии женой Ивана Лукича Свинцова.

2 участок – Пичаевский (в некоторых документах – Пе-

чаевский). Здесь тоже есть больница. Больных принимает врач – н. ч. Фёдор Николаевич Орлов.

3 участок – Ракшинский. Больница здесь есть, но с врачами не повезло. Не хватает, да и не держатся они здесь. Вакансия постоянно свободна и жителям приходится ездить «за семь вёрст киселя хлебать», в основном в Моршанск. Только почти к самой революции на участке появился постоянный врач – Валентин Владимирович Чижов.

4 участок – Богоявленский. В Богоявленской больнице страждущим гражданам оказывает помощь сначала Александр Семенович Сергиевский, а потом, ближе к нашим дням, Николай Николаевич Зимин (младший из двух братьев – известных впоследствии Моршанских медиков Зиминых).

5 участок – Моршанский. Здесь с врачами дело обстоит гораздо лучше, чем в Ракше, например; в Моршанске есть Мариинская земская больница. Старший врач в ней – коллежский советник Владимир Павлович Филонович (известнейшая личность в Моршанске и округе, о нём будет отдельный рассказ). Ординатор – Эрнест Павлович Струве. Вакансия смотрителя – свободна. Надзиратель детского отделения при больнице для призрения подкидышей – Анна Павловна Суетина. На призрение подкидышей пособие выдавалось на 130 детей. Именно в Моршанском уезде земство пошло на кардинальные меры: удвоило сумму, выдаваемую на ребёнка с 3 рублей (как в других уездах губернии) до 6 рублей,

разницу доплачивало земство. Практика содержания приюта была признана неудовлетворительной, так как смертность в Приюте для подкидышей, открытом в Моршанске, достигала 60%, поэтому было принято решение отправлять детей, как мы бы сейчас сказали, в приёмные или патронатные семьи, или, как выражались в прошлом веке, в «частные руки» и платить адресно. Для того чтобы проиллюстрировать сложившуюся ситуацию с подкидышами, приведу цифры из отчётов по Детскому отделению Моршанской земской больницы. На 1 января 1900 года на содержании Моршанского уездного земства состояло 150 подкидышей, в течение года поступило 27, умерло – 22, отдано в усыновление – 2, достигли предельного возраста – 9. В следующем 1902 году в Моршанском уезде было подкинуто и находились в приюте 223 ребенка, из них было роздано по деревням – 50, возвращено матерям – 37, умерло в приюте 70.

6 участок – Салтыковский, обслуживает врач Арсений Арсентьевич Тихомиров; через несколько лет на смену ему пришёл Александр Иванович Крутицкий. Впоследствии он будет тоже известным в Моршанске доктором, невропатологом, преподавателем фельдшерско-акушерской школы.

7 участок – Отыянский. Какое то время здесь работал врач Сергей Фёдорович Медведков, который потом был переведён в Сосновскую больницу, запасным врачом больницы (здесь была больница) числился Константин Степанович Волков. Ближе к революционным событиям коллектив боль-

ницы сменился. Врач – Михаил Васильевич Зимин (впоследствии заведующий Моршанским горздравотделом, инициатор открытия поликлиники им. Н. А. Семашко), фельдшер Пётр Дмитриевич Темяшев, фельдшерица – акушерка Анна Леонидовна Финкельштейн (эта фамилия нам тоже встретится в дальнейшем).

8 участок – Алгасовский. Больницей заведовал врач Ипполит Михайлович Долматский.

9 участок – Заметчинский – здесь работает во врачебном пункте врач Валентина Ивановна Тихомирова (о ней в воспоминаниях тепло отзывался Григорий Надеждин, который к тому времени переехал в Гатчину).

10 участок – Гагаринский. Там врачебный пункт остался без врача, в 1914 году доктор призван на военную службу.

11 участок – Ольховский – врачебный пункт тоже надолго остался без врача, в нескольких упоминаниях участка встречается запись: вакансия свободна. Медицинскую помощь оказывают фельдшерицы-акушерки Вера Фёдоровна Слепушкина и Анна Васильевна Мякинина.

В одном из адрес-календарей меня смутило упоминание городского врача. Я решила уточнить правильность именования. Действительно, были особые городские врачи. К сожалению, мне не удалось выяснить, находились ли они на иждивении города изначально или были назначены по распоряжению министра внутренних дел Перовского (с жалованием из городских доходов). Городовым врачам

предписывалось сверх занятий по городу врачебно-полицейских и судебно-полицейских, исполнять должность медика в городских и тюремных больницах.

Врачи Моршанской городской управы: городской – Леопольд Людомиров; Новерский, уездный – ксв. Александр Петрович Шилкин; пункт. ветеринар врач – Алексей Михайлович Соколов. Ветеринарные врачи тоже были в почёте, им на страницах адрес-календарей уделялось место сразу следом за врачами. Моршанский уезд обслуживали: Варсобин Н. Н., Бельский К. И., Лебединский В. А., Руновский К. П., Геликонов Н. Я. – это так, штрих к общей картине.

В это же время в Козловском уезде работал земским врачом села Глазок Вацлав Игнатъевич Царда (1875 г.р.). Его отец, Игнатий Царда, чех по национальности, был приглашен в Россию для преподавания в классических гимназиях латинского, греческого и немецкого языков. У него было 8 душ детей: Вацлав, Войтех, Эммануил, Анна, Божена, Людмила, Мария, Елена. Старший из них, Вацлав, стал земским врачом, известным впоследствии терапевтом. В 1901 году он окончил курс медицинских наук с присвоением звания лекаря, был направлен в посёлок Таловка Астраханской губернии, исполнял обязанности сельского врача Внутренней Киргизской орды. Его послужным списком я заинтересовалась не случайно. Перед второй мировой войной Вацлав Игнатъевич уже преподавал в Моршанской фельдшерско-аку-

шерской школе терапию. Был уважаем и любим учениками, но имел неосторожность заболеть крупозным воспалением лёгких, болезнь протекала стремительно, как нынешний коронавирус, в результате В. И. Царда скончался скоропостижно (по воспоминаниям учеников).

К сожалению, не удалось найти никаких следов, ни документальных, ни зафиксированных устных рассказов о земском враче Константине Ивановиче Бельском. Эта фамилия стала мне известна благодаря православному историку и краеведу Игорю Озарнову. Лучше, чем он, никто не знает старое Моршанское купеческое кладбище. Как-то в разговоре, узнав, что я пишу о земских врачах, Игорь спросил меня, будет ли глава о Бельском? Ответом стал мой недоумевающий взгляд. Такой фамилии мне не встречалось. Тогда Игорь продиктовал надпись с могильного памятника: *«Земский врач Константин Иванович Бельский, скончавшийся 26 января 1911 года в возрасте 57 лет, отдавший силы и жизнь земскому делу»*. Есть в адрес-календаре 1911 года упоминание Бельского К. И. в строке «земские ветеринарные врачи», но эта информация не даёт ответа, а скорее создаёт новые вопросы. Ну, что же, будет тема для новых поисков.

Моршанская земская больница до 1917 года

В 1865—1868 гг. в уездных городах шло активное строительство земских больниц, в сёлах появились врачебные участки. Моршанское земство выкупило землю и постройки, расположенные на углу улицы Дворянской, выходящей на берег Цны. Именно здесь была открыта Моршанская земская больница. Часть построек, что уже были на территории, использовалась, но параллельно возводилось новое кирпичное двухэтажное здание. Первая очередь здания современной Моршанской ЦРБ, где сейчас находится аптека, а в советские годы было глазное отделение, родильное отделение и др., была введена в эксплуатацию в 1868 году. Привычный вид здание приняло в 1876 году. Именно оно стало главным корпусом больницы на начальном этапе её существования. К зданию прилегал больничны́й сад и двор. В глубине двора находилось ещё одно основательное здание, рассчитанное на 20 коек, построенное и введённое в эксплуатацию в 30—40-х годах девятнадцатого века, приобретённое вместе с землёй.

Принимали в земской больнице всех. Оказание помощи сельским жителям в ней осуществлялось бесплатно, бесплатным был и отпуск лекарственных средств по рецепту

врача. С обеспеченных пациентов и приезжих из другого уезда брали плату за лечение. Составляла она до восьми с половиной рублей в месяц. На основании договора фабрикантов Асеевых с земством в больнице осуществляется помощь рабочим и служащим Моршанской мануфактуры.

Во время Русско-турецкой кампании, по примеру Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия (г. Санкт-Петербург), Моршанск принял больных и раненых, доставленных с мест сражений.

Для справки: Крестовоздвиженская община сестер милосердия, основанная на средства великой княгини Елены Павловны при участии хирурга Н. И. Пирогова, была первой женской общиной, оказывающей помощь раненым воинам, не только в России, но и в Европе. Она по праву считается предшественницей Красного Креста.

Последовав однажды такому благому примеру, Моршанск потом, уже в двадцатом веке, снова не раз становился прибежищем для многих сотен раненых бойцов. Но это будет позже, а пока Моршанской земской больнице экстренно потребовались дополнительные койки. В связи с этим в сжатые сроки по проекту губернского инженера Тамбовского Губернского правления Аркадия Степановича Четверикова был построен деревянный барак в неорусском стиле.

Одновременно с организацией земской медицины в Моршанске открылось благотворительное попечительское общество о бедных, главной целью которого значилось «достав-

ление средств к улучшению нравственности и материально-го состояния» бедных жителей города. Открытое приказом Министерства внутренних дел от 3 июня 1868 г., общество привлекло в свои ряды состоятельных горожан и служащих городской управы. Члены общества активно содействовали размещению детей в приюты и учебные заведения, устраивали благотворительные вечера, сборы пожертвований. Возможно, благодаря такому вниманию к проблеме, удалось достичь значительных улучшений.

В Государственном архиве Тамбовской области в фонде 152 Моршанская земская уездная управа (1866—1918 гг.) есть интересные документы, иллюстрирующие деятельность больницы на стыке веков. На этот кладезь информации меня натолкнула статья Н. Чуженьковой об истории улицы Дворянской. Там Надежда Михайловна, помимо сведений из фондов музея, приводит статистику, взятую из «Отчётов», с 1 августа 1896 по 31 декабря 1897 гг.: *«За это время на излечении находилось 1347 человек, умерло 94 человека. По числу больных на первое место выходят хирургические больные, за ними – внутренние, затем – сифилитики и, наконец, – заразные больные. Амбулаторию Моршанской больницы посетили 15378 человек».*

Н. И. Попов в кругу врачей Моршанской земской больницы

На тот момент в больнице успешно справлялись с переломами и вывихами, излечивали малярию, принимали пациентов с доброкачественными и злокачественными опухолями, «каменной болезнью», женскими болезнями, огнестрельными ранами. Помимо терапии и хирургии в лечебном учреждении имелись «сифилитическое» и «заразное отделение» (где лечили брюшной тиф, кровавые поносы, рожи, сибирские язвы). Однако уровень охвата населения медицинской помощью оставался недостаточно высоким.

К началу двадцатого столетия земская больница уже требовала преобразований. В 1899 году был построен, а в 1900 году введён в эксплуатацию новый барак, предназначенный для «заразных больных», обустроена новая операционная комната и две перевязочные, изолированная амбулатория. Высвободившиеся в ходе преобразований помещения «используются под столовые для больных и две запасные комнаты для чистых больных и неопрятных...».

Пётр Петрович Иванов, первый директор и основатель музея, тогда ещё вместе со своим отцом и его артелью ремонтировал земские больницы, выполняя работы маляра и водопроводчика. Артель обслуживала, в том числе и Моршанскую земскую больницу. Всего в начале двадцатого века под нужды больницы используются четыре здания. Это главный корпус – двухэтажный, каменный, построенный в 1876 году; вспомогательный корпус – двухэтажный, первый этаж каменный, второй деревянный; два деревянных барака, которые уже упоминались выше. Все помещения отапливались голландскими кафельными печами, освещались довольно долгое время керосиновыми лампами. Была в зданиях и необходимая вентиляция – форточки, каминные вытяжки, печные вентиляторы. В трёх из зданий была проведена вода. Дезинфекция, как и почти везде в то время, проводилась формалином. Есть прачечная, сушилка и кладовая для белья. Вскрытия граждан, умерших в больнице, проводились при больничной часовне (к сожалению, пока не уда-

лось выяснить, где она находилась). Для выздоравливающих больных был распланирован сад размером 31 X 35 саженей, расположенный вокруг бараков. Стараниями Земства больные обеспечены питанием «по порционной системе», по назначению врача больные получают дополнительное питание: курицу, куриный суп, котлету. В таком виде больница находилась до начала первой мировой войны. После начала активных боевых действий начали поступать первые раненые и увечные. Вновь потребовались дополнительные помещения. На территории больницы появилось ещё два деревянных барака.

По поводу больничного сада у меня есть свои предположения, возможно, он не был вновь посаженным, а лишь переустроен в больничный из частного. Сейчас поясню, почему так думаю: земством постепенно не только возводились, но и приобретались здания, расположенные поблизости, так в больничную территорию со временем вошёл участок с домом Жмаевых. Об этом рассказал потомок купцов Каверинных, Дедовых, Жмаевых – Юрий Адольфович. Здание, где сейчас находится флюорографический кабинет, является частью дома Жмаевых, перестроенного после революции.

Как и во многих других городах, в Моршанске в годы первой мировой войны была создана общественная организация – Дамский комитет. Им осуществлялся сбор пожертвований для военнослужащих действующей армии, снабжение лазаретов бельём и перевязочными материалами. Члены

Дамского комитета так же посещали раненых солдат, проходящих лечение на больничных койках Моршанской земской больницы.

Приближался переломный 1917 год. Жизнь в городе шла своим чередом. Задачи, которые ставила перед собой земская медицина, привлекали сюда молодых, талантливых людей. Врачей было не много, но, тем выше была их известность. Павла Степановича Глуховцова рядовые моршанцы осуждали – это был доктор для богатых, его визит стоил не менее трёх рублей. Эрнеста Павловича Струве уважали и любили за скромность, готовность прийти на помощь любому и в каждую минуту. Владимир Павлович Филонович слыл крупным специалистом в области хирургии, брался за тяжёлые операции и выполнял их искусно. Перед революцией он уже не был тем, переживающим и сомневающимся молодым врачом, что приехал после университета в сельскую больницу; он возглавлял Моршанскую земскую больницу и твёрдо стоял на ногах. Больница имела 75 коек, 3 врачей, на дому, при необходимости, больных обслуживал фельдшер, врачи же вели амбулаторный приём.

Многие земские врачи, основываясь на своем опыте, писали статьи и монографии о медицинской помощи крестьянам, их специфических болезнях, истории медицинского обслуживания в губерниях и уездах. Многие из земских врачей, докторов старой школы, после революции строили по кирпичику систему советского здравоохранения.

Санитарная служба

Во время частых эпидемий и моровых поветрий на Руси правительство, как правило, принимало карантинные меры. Царь Алексей Михайлович с 1654 по 1665 годы выпустил свыше 10 указов «о предосторожности от морового поветрия». Так, во время чумы дороги на Москву были перекрыты заставами и засеками, через которые не разрешалось пропускать никого вне зависимости от звания, а за ослушание полагалась смертная казнь.

С 1742 года в России существовала должность пограничного (карантинного) доктора, который должен был в соответствии со сведениями, полученными из Медицинской канцелярии, надзирать за карантинными домами. Карантинных докторов было ничтожно мало и эпидемиологическую ситуацию они, естественно, контролировать не могли. Поэтому одним из направлений земского здравоохранения стала санитарная медицина. Её целью было предупреждение заболеваний и эпидемий. Юридическая база общественного здравоохранения была прописана в «Своде законов Российской империи» 1833 г., в который вошел и Врачебный устав. Он определил, что главной задачей здравоохранения является противодействие эпидемиям, а регулирует это медицинская полиция.

Ещё на заре деятельности земства по организации меди-

цинской помощи 1 Земский съезд врачей высказался за организацию постоянной санитарной службы. Это произошло в 1888 году, а уже со следующего года стал выпускаться «листок о Заразных болезнях». Дело в том, что в конце девятнадцатого – начале двадцатого века в Тамбовской губернии в год заболело: дифтерией – до 20 тысяч человек, брюшным тифом – 15—16 тысяч человек, сыпным тифом – 9—10 тысяч человек, натуральной оспой – 3—4 тысячи человек. Смертность составляла 35—40 человек на тысячу населения. Были, конечно, санмероприятия так называемого «медико-полицейского» характера, которые проводились в Тамбовской губернии еще в начале 19-го века. Но это была мера не просто вынужденная, а ещё и весьма относительно эффективная. В дореформенной Тамбовской деревне с ее постоянными эпидемиями, или как тогда говорили, «повальными болезнями» – прообраз будущего санврача появлялся очень часто в виде чиновника, приехавшего с запозданием «разбирать» тот или иной «мор» или «поветрие». Бесконечная цепь эпидемий вынуждала и постепенно приучала многих уездных и даже губернских врачей заниматься вопросами эпидемических бедствий, вести разработки, собирать сведения, составлять отчёты и готовить доклады. Со временем необходимость санитарно-профилактической работы стала популярной идеей среди земских медиков.

Первый яркий пример торжества санитарной медицины в нашей местности – 1892 год, когда в городе отмечались

случаи заболевания тифом и холерой. Для борьбы с ними принимались чрезвычайные меры. Была образована санитарная комиссия: из представителей земства и врачей. Город разделили на два участка, где попечителями были купцы, следившие за порядком на своей территории. Прежде всего, вычистили мясные ряды на базаре, предприняли меры по очистке отхожих мест и выгребных ям. В сельской местности строились бараки для заразных больных. Это обстоятельство озлобляло местных крестьян, они громили строения, но дело делалось и в итоге отдельные случаи не переросли в масштабную эпидемию.

На начальном этапе развития санитарной медицины отмечалось, что «самая распространенная болезнь среди крестьян – сифилис». В Булгаковских «Записках молодого врача» описывается безрадостная картина повального бытового сифилиса среди деревенского населения. Кто-то дурную болезнь приносил с войны, придя на побывку; кто-то из Москвы, возвращаясь с заработков, а потом уже зараза переходила бытовым путём, чаще через посуду. Плохо было ещё и то, что население не осознавало всю серьёзность «болячки», лечение не доводилось до конца. Ряд мероприятий санитарного и лечебного характера привел к тому, что распространение этого заболевания бытовым путем сократилось. Однако 3-й губернский съезд земских врачей в 1896 г. был разрешен Тамбовским губернатором при «обязательном условии», «если съезд обсудит вопросы о борьбе с сифилисом,

намеченные правительственной программой Всероссийского съезда». Прибывшие на съезд 35 делегатов из виднейших земских врачей и земских деятелей губернии, обсудив «обязательный вопрос» о борьбе с сифилисом, на последующих заседаниях развернули оживленные прения о создании в губернии санитарной организации. Так как ещё в октябре 1889 года Первый съезд земских врачей Тамбовской губернии высказался за скорейшее учреждение «санитарного бюро» при земской Управе, а также за учреждение в губернии института санитарных врачей, но реализовать все эти замыслы и предложения долгое время не удавалось. «Организации губернских санитарных учреждений» увидели свет лишь в 1897—1898 гг.

Ещё одним из важнейших дел санитарной медицины была борьба с оспой. При земских управах создавался штат оспопрививателей, которые делали детям прививки от этой тоже весьма распространённой болезни. Для прививания использовалась телячья лимфа (детрит), которую получали из губернского телятника, специально устроенного при Тамбовской губернской земской больнице.

В 1913 году Данила Кириллович Заболотный предложил Тамбовскому Земскому собранию организовать институт эпидемиологии и микробиологии. Институт был заложен в 1916 году и стал действовать в 1918 году. Его первым директором стал Адам Казимирович Черноцкий. Институт стал базой для создания Санэпидслужбы Тамбовщины. В гу-

бернии работало 23 санитарных врача и по 1 эпидфельдшеру в участковой больнице.

При советской власти работа санитарно-эпидемической службы продолжилась. Более того, Совнарком издал более 100 декретов о мероприятиях против распространения массовых инфекционных заболеваний. В их числе: «О борьбе с сыпным тифом», «О санитарной охране жилищ», «Об обязательном оспопрививании», «О мерах по улучшению водоснабжения, канализации и ассенизации», «О мероприятиях против эпидемии холеры» и др.

Созидательному развитию медицины и санэпидслужбы в Моршанске помешало возвращение холерной эпидемии в 1921—1922 гг. В эти годы на 100 тысяч населения Тамбовщины приходилось 1019 больных малярией, 921 – возвратным тифом, 534 – сыпным тифом, 524 – брюшным тифом, 145 – натуральной оспой, 137 – холерой, 75 – дифтерией. Городскими властями в здании реального училища (СОШ №140) был создан эвакуопункт №164, в котором работала специальная бригада врачей во главе с доктором Аркиным. В неё входили медсёстры Анна Алексеевна Курденкова, Елена Васильевна Жердева (в Великую Отечественную войну она снова оказалась на переднем фланге борьбы за жизни людей, работала в эвакуогоспитале №1916), санинструктор Голяева и другие. Эвакуопункт имел пять отделений:

- 1) на улице Красноармейской;

- 2) на улице Лотикова, дом 68 (бывшая женская гимназия на бывшей Софийской улице);
- 3) клуб текстильщиков;
- 4) на улице Почтовой (ныне Пушкинская) в национализированном доме фабриканта Белоусова (здание КВД);
- 5) на улице Гражданской (бывшей Дворянской).

С трудностями и потерями, но с эпидемией справились. Более того, медики Моршанска боролись сразу и с холерой, и с тифом. Победа оказалась на стороне врачей, но впереди было ещё много битв, а пока предстояло вместе с молодым советским государством строить новую систему здравоохранения.

Во всей России на местах стали создаваться чрезвычайные противоэпидемические комиссии, которые вели работу по организации ликвидации эпидемий по единому плану, координировали участие всех ведомств и использование материальных средств, пресекали неправильные действия отдельных руководителей. Этот метод сохранился до настоящего времени и применяется в действиях СПЭК санитарно-противоэпидемических комиссий.

В 1928 году вышли Постановления СНК «О порядке надзора за санитарным состоянием предприятий», «Об установлении зон санитарной охраны водных источников, служащих для центрального водоснабжения городов, рабочих поселков и других населенных пунктов». В 1930 году СНК РСФСР издал Постановление «О санитарном минимуме».

Для повышения роли предупредительного санитарного надзора было издано Постановление ЦИК и СНК СССР от 23.12.33 года «Об организации санитарной инспекции». Служба добилась значительных успехов в борьбе с инфекционными заболеваниями. Стараниями специалистов показатель заболеваемости брюшным тифом снизился в три раза. Удалось снизить количество и других опасных заболеваний. И даже военные годы не отбросили назад, не отменили достигнутых в санитарии успехов. В Моршанске функционировала межрайпротивоэпидемическая станция, которая в основном осуществляла противоэпидемические мероприятия в очагах инфекционных заболеваний (дифтерия, сыпной и брюшной тиф и другие) на территории Моршанска, Моршанского, Алгасовского, Ракшинского районов, а также на административных территориях нынешних Пичаевского и Сосновского районов. Возглавлял противоэпидемическую станцию врач Т. А. Юрьев. 23 июня 1941 года он сам на себя готовит приказ. Цитата из него: «Сего числа согласно распоряжения правительства по мобилизации по мобпредписанию №1 Моршанского военкомата выезжаю к приписной команде. Своим заместителем оставляю тов. Демьяненко А. Н.». Руководство в начале войны, вплоть до переломного момента, осуществляли женщины: с июля 1941 г. Н. Я. Степанова, с сентября – П. А. Семенищева, которая вскоре назначается врачом-эпидемиологом (после войны она будет заведовать районным здравот-

делом). С июля 1943 года приказом облздравотдела главным врачом назначается Валентина Яковлевна Цуканова. И, несмотря на сложности, в годы Великой Отечественной войны санитарная служба ещё раз доказала свою состоятельность в борьбе с опасными для человека инфекциями как на фронтах, так и в тылу. Тогда, благодаря чётко организованным профилактическим мероприятиям, удалось предотвратить распространение массовых эпидемий. В 1942 году, наблюдалось некоторое увеличение заболеваемости дифтерией, но уже в 1944 году дифтерия идет на снижение и в 1945 дает показатель всего в 3,7, неплохо, если учесть, что в предвоенный 1940 год показатель заболеваемости дифтерии был – 11.

В 1943 году организуется областная станция по борьбе с туляремией. В это же время удалось добиться успехов в борьбе с малярией. Большую роль в борьбе с ней сыграла целая армия общественников – колхозных химизаторов и бонификаторов. Но основная роль в борьбе с малярией, конечно, отводилась малярийной станции. Малярийные станции создавались на территории всей страны для борьбы с малярией. В штате были врач, помощник маляриолога, энтомолог, лаборант, бонификаторы (специалисты, проводившие обработку водоёмов от комаров и их личинок), хинизаторы (медицинские работники, которые раздавали лекарственные препараты – хинин, акрихин больным малярией и с профилактической целью на предприятиях), гидротехники. Была

малярийная станция и в Моршанске. До войны её возглавляли мужчины: сначала К. Ф. Брагин, а с декабря 1940 года Иван Андреевич Бросалин. В годы Великой Отечественной войны, когда мужчины нужны были фронту, в тылу на руководящие должности пришли женщины. С июля 1943 года малярийную станцию приняла на себя Александра Трофимовна Грибанова и руководила ей десять лет. Успешно. Если в 1940 г. показатель заболеваемости на 10 тыс. населения составлял 706,8, то в 1945 году первичных заболеваний малярией было зарегистрировано по области 50,8 на тысячу населения (показатель составил 349,8).

В конце 1954 года малярийная станция была упразднена, так как малярия была в стране ликвидирована. До сих пор, как говорят специалисты Роспотребнадзора, у нас нет местных случаев малярии, так как были исключены из цепочки распространения малярии источники заболевания и пути передачи.

После войны функции органов санитарной службы расширились, они стали осуществлять предупредительный санитарный надзор, в том числе контроль отвода земельных участков под строительство, рассмотрение проектов, контроль хода строительства, участие в приёмке объектов при сдаче в эксплуатацию. Санитарно-эпидемиологическую станцию Моршанска в это время возглавляла Валентина Александровна Решетникова, впоследствии она будет назначена главным врачом центральной районной больницы. Её

сменил на посту в 1950 г. Степан Андреевич Кирсанов. С 1954 г. главным врачом была Антонина Ивановна Нагаева, будущий главный врач детской больницы. В это время в состав СЭС входили дезинфекционное отделение (располагалось на улице Красной), молочно-контрольная станция на рынке, паразитологическое отделение (бывшая малярийная станция по улице Пушкина, 23). С 1961 по 1963 год главный врач – Инесса Ивановна Максимова. 3 августа 1963 года приказом №215 по Моршанской центральной больнице назначается главным врачом Моршанской санэпидстанции Сергей Семёнович Спивак. Старшее поколение жителей Моршанска и Моршанского района возможно ещё помнит этого незаурядного, энергичного человека. При нём служба переехала в новое здание, построенное по улице Заводской, 29а, где объединились все отделения, ранее разбросанные по разным зданиям города. При его участии велось строительство городских очистных сооружений, осуществлялось водоснабжение населённых пунктов Моршанского района. При нём уделялось большое внимание изучению условий труда работников промышленных и сельскохозяйственных предприятий, гигиене питания, гигиене детей и подростков, санитарно-противоэпидемическим мероприятиям с целью снижения заболеваемости населения инфекционными заболеваниями. 3 августа 1989 года, проработав ровно 26 лет, Сергей Семёнович ушёл из жизни. Его до сих пор вспоминают добрым словом, хотя многие, если не все, из его еди-

номышленников и коллег, покинули мир. О них тоже осталась память, о них говорят и пишут. Даже на официальном сайте Роспотребнадзора они есть: В. М. Штыров – помощник врача эпидемиолога, В. И. Степанов – помощник санитарного врача по гигиене труда, В. А. Марцыняк – помощник санитарного врача по гигиене питания, врач бактериолог Е. А. Балахнина, лаборант бактериологической лаборатории Е. А. Юрченко, заведующий отделением профилактической дезинфекции Д. Т. Баев – все участники Великой Отечественной войны. Н. Н. Наплёков – санитарный врач.

Советская городская больница

В 1918 году на основании Декрета ВЦИК Совнаркома РСФСР «Об основах построения нормальной волостной (районной) организации здравоохранения в каждом волостном и районном центрах предусматривалась организация районной больницы с амбулаторией, терапевтическим, хирургическим, инфекционным, родильным отделениями и зубо-врачебным кабинетом. Больница из Моршанской земской становится Советской городской больницей Тамбовской губернии со стационаром на 40 коек. Больницу – стационар обслуживает 5 врачей, амбулаторию – 4 врача. Исполнение Декрета поручено организовать заведующим городским отделом здравоохранения Кожевниковой и районным отделом здравоохранения Семенищевой.

К началу 30-х годов прошлого столетия в городе функционировала больница с амбулаторией, где работали 9 врачей, 12 медицинских сестёр, были открыты больницы в сёлах Алгасово и Ракша, где работали 1—2 врача и несколько фельдшеров и акушеров. Требования к медицинскому обслуживанию населения возрастали. Для решения кадровых задач в таких условиях руководством принято решение об открытии в Моршанске в 1932 году Фельдшерско-акушерской школы. Учебной базой для школы стала городская больница.

Следующие изменения связаны с административным перераспределением территорий. Так с 1930 по 37 гг. в городе работает Моршанская городская больница Центрально-черноземной области, а с 1937-го по 1954 год – Моршанская городская больница Тамбовской области. Впрочем, это изменения формальные, настоящей новой вехой в истории больницы стал приход нового врача М. В. Быстрова в 1929 году. Не подумайте, что в отделении всё было плохо, просто зав. хирургическим отделением Моршанской больницы Александр Владимирович Зубков, возглавлявший хирургию в 1927—1928 гг., и постоянно публиковавший в центральной печати свои научные труды, был приглашён заведовать кафедрой хирургии Воронежского медицинского института. Потом он был назначен сначала главным хирургом, а далее главным врачом Октябрьской железной дороги (Ленинград). Так что место зав. хирургическим отделением в Моршанской городской больнице было в 1929 году вакантным.

Вне времени

Михаил Васильевич Быстров

Михаил Васильевич Быстров родился в 1899 году в селе Лысье горы Тамбовской области в многодетной семье священника. В 1907 году произошла трагедия, глава семейства отец Василий умер от «заворота кишок». Все говорили тогда, что его можно было спасти, но отсутствие профессиональной медицинской помощи сыграло решающую роль. После этого дети Василия Быстрова объявили войну болезням, 8 из 16 стали врачами.

М. В. Быстров

Ещё, будучи студентом, в 1919 году Михаил Быстров начал работать помощником санитарного врача в Тамбове,

с 1920-го – фельдшером заразных барачков городской больницы Саратова, в это время в городе свирепствовали эпидемии сыпного тифа и холеры. В 1923 году Михаил Быстров окончил медицинский факультет Саратовского университета и поступил на станцию скорой помощи г. Тамбова. Спасая людей на «скорой», одновременно работал в губернской больнице врачом-экспертом. Тогда же, после ночных дежурств бесплатно работал в хирургическом и гинекологическом отделениях. В течение шести лет под руководством крупных специалистов, таких как В. А. Богородицкий, В. Ф. Вамберский, доктор медицины П. А. Баратынский молодой доктор набирался практического опыта, осваивал передовые методы лечения. Уже во время работы в центральной поликлинике Тамбова проявились его главные черты: бескорыстие, скромность, доброта, отзывчивость, ответственность и чувство долга.

В 1929 году Михаил Быстров, пройдя по конкурсу, заступает на должность заведующего хирургическим отделением Моршанской больницы. За годы своей работы в Моршанске он сделал для людей, рядовых граждан города и жителей района, неопределимо много. Он первым в области начал производить такие операции, как резекция внутригрудного отдела пищевода при раке, сделал успешную экстренную операцию свежего проникающего ранения сердца. С приходом Быстрова ничем не выделяющееся хирургическое отделение небольшой больницы стало приобретать всё большую из-

вестность не только в области, но и за её пределами. По продуманной и научно обоснованной организации хирургического процесса, проведению сложных операций, по прекрасным исходам их у тяжёлых больных Моршанская ЦРБ начинает превосходить многие, более крупные медицинские учреждения, а сам скромный врач Быстров приобретает у населения репутацию высококвалифицированного диагноста и блестящего хирурга. В 1934 году Михаил Васильевич начинает преподавать в Фельдшерско-акушерской школе. У него было чему учиться. М. В. Быстров производит сложные урологические, онкологические, ортопедические, челюстно-лицевые и даже пластические операции. На его счету восстановительные операции и развитие «желудочной хирургии». Он же, спустя несколько лет, организует пункт переливания крови, который во время войны спас жизни сотням людей. Только в 1943 году в Моршанске насчитывалось двести пятьдесят доноров, которые сдали 1100 литров крови.

Во время Финской войны и Великой Отечественнойгодились познания Михаила Васильевича в военно-полевой хирургии. Госпиталь №1917, которым руководил Быстров, специализировался на челюстно-лицевых, черепно-мозговых ранениях, ранениях позвоночника и считался госпиталем широкого медицинского направления. Он ежедневно оперировал, и практически на всех операциях присутствовали коллеги, ученики, студенты ФАШ. В 1943 году, когда госпиталь был перемещён ближе к линии фронта, Быстров

уехал вместе с ним и вернулся в Моршанск только после окончания войны. За годы войны он был ведущим хирургом эвакогоспиталей Киева и Курска, Брянского и Воронежского направлений 1-го Украинского фронта, готовил молодых военврачей к работе в госпиталях, самоотверженно трудился для спасения жизней, для Победы.

Вернувшись в Моршанск, в 1946 году М. В. Быстров организовал онкологический пункт и до конца жизни возглавлял всю противораковую помощь населению района. Здесь он, как и во многом другом, опережал время, медленно идущее в маленьком городке. В середине 40-х – начале 50-х годов в Тамбовской области мало, кто брался делать операции по поводу рака пищевода, желудка, кишечника, женских органов. Он смог.

Советское правительство высоко оценило его заслуги, наградив Орденом Трудового Красного Знамени и присвоив 19 сентября 1951 года звание Заслуженного врача РСФСР. Он был награждён значком «Отличник здравоохранения» (одним из первых в Тамбовской области в 1940 г.), грамотой Военного Совета Брянского фронта, медалью «За победу над Германией 1941—1945 гг.». С первого сентября 1951 года (Приказ №243) М. В. Быстров является главным врачом больницы.

За годы работы им сделано свыше 18 тысяч успешных операций.

Он ввёл охранительный режим в хирургическом отделе-

нии, вырастил образцовый, сознательный, преданный делу коллектив.

29 апреля 1953 года на заседании облисполкома был рассмотрен вопрос о присвоении Моршанской больнице имени М. В. Быстрова. С 1954 года Моршанская городская больница, где Михаил Васильевич проработал 23 года, носит его имя.

Моршанские медики в истории советского здравоохранения

Первым народным комиссаром народного уездного отдела здравоохранения был в 1917 году рекомендован врачами Попов Павел Дмитриевич. Он пробыл на этой должности не так много времени, но оставил память о себе, его стараниями организован при больнице кабинет физиотерапевтических методов лечения. Вторым комиссаром в истории народного здравоохранения с 1918 по 1924 гг. был Борисов Василий Кузьмич, на его долю выпала огромная работа: все позднейшие успехи в здравоохранении советских лет закладывались именно в эти годы. По воспоминаниям Л. Н. Адливанкина первая амбулатория была основана на базе страховой кассы, председателем которой был рабочий-печатник типографии Холуянова Яков Петрович Буртасов, она-то и стала прообразом самостоятельной поликлиники. 5 врачей принимали больных в здании, где позднее разместился тубдиспансер. В 1923 году по инициативе заведующего Горздравотделом врача Михаила Васильевича Зимина была основана поликлиника имени Н. А. Семашко, первого комиссара народного здравоохранения. В поликлинике с первых дней её существования открыты ушной кабинет, глазной, физиотерапевтический кабинет и гинекологический. Стало раз-

виваться лабораторное дело. Первым организатором клинической лаборатории стала врач Троянская Анна Ивановна. В 1927 году врач Балахнина Екатерина Александровна организывает бактериологическую лабораторию.

8 марта 1925 года в Моршанске открылась детская консультация. Согласно Положению, в районном центре должны быть учреждения по охране материнства и детства и борьбе со специальными заболеваниями, и они организуются.

Параллельно для оздоровления всего населения ведётся борьба с кожно-венерическими заболеваниями, и в 1927 году, при активном участии врача Д. А. Буянова, открывается вендиспансер. При вендиспансере по инициативе того же Буянова появился первый дом санитарного просвещения. Доктор Буянов из обычного фургона устроил передвижную выставку по санитарному просвещению граждан и разъезжал с ней по городу и району.

Здание детской поликлиники. 1950-е годы

В 1930 году врачом Чернянской организуется открытие детской амбулатории. Врач-педиатр Николай Николаевич Зимин, принявший у Чернянской эстафету, впоследствии преобразует амбулаторию в полноценную детскую поликлинику. Пытаясь выстроить события, происходившие в столь короткий временной отрезок, понимаю, что жизнь буквально бурлила, здравоохранение за несколько лет преодолевало путь, который мог занять многие десятилетия. Несмотря на жесткую регламентацию жизни и работы людей, по крайней мере, из школьного курса истории складывается именно такое впечатление, роль личности никто не отменял. Сплошь и рядом в документах встречаются уже знакомые

фамилии врачей. Так, отмечается, что в развитие городской больницы внесли весомый вклад её главные врачи разных лет: Зимин Пётр Николаевич, Успенский Александр Александрович, Краснянский Леонид Михайлович (больше известный моршанцам как директор фельдшерско-акушерской школы). В 1932 году доктор Громов начал активную борьбу с туберкулёзом в Моршанске, одерживая победы одну за другой. Был открыт тубдиспансер (туберкулёзная больница) с амбулаторным приёмом и ночным санаторием, через несколько лет усилиями Б. В. Громова открылся и стационар на 25 коек, битва с социальным заболеванием продолжалась, но количество больных туберкулёзом уже значительно снизилось. Последователями доктора Громова в разные годы были ветеран Великой Отечественной войны М.А.Привезенцева, отличник здравоохранения РФ Б.А.Чупров, отличник здравоохранения РФ Т.М.Маликова, заслуженный врач РФ А.Н.Секретарев.

Я снова забежала вперед, возвращаюсь в 30-е годы, когда Прасковья Кобзева, второй директор моршанского музея, а тогда молодая учительница из Сосновки, приехала в Моршанск именно для лечения туберкулёза. И моршанские врачи ей действительно помогли, был сделан левосторонний пневмоторакс, назначено правильное лечение, после чего Прасковья Васильевна прожила долгую жизнь, наполненную полезными для общества делами, стала Заслуженным работником культуры. Газета «Молодой коммунар»

от 10 декабря 1934 года пишет:

«Здоровье рабочих, колхозников и трудящихся бережно охраняют врачи. Теперь уже рабочий не поедет в Москву, или скажем в Воронеж, за медицинской помощью. В Моршанске есть свои хорошие специалисты.

Больница и амбулатория имеет 36 врачей, среди них специалисты по разным болезням. Коллектив медицинских работников крепок, он чутко относится к нуждам трудящихся. В больнице тепло, уют, больные теперь не жалуется на беспорядки.

Особенно выделяется из всех лечебных учреждений детская профилактическая амбулатория. Порядок и забота позволяют назвать её лучшей амбулаторией в районе.

Однако ещё плохо лечебным учреждениям помогает городской совет. Нередко он проявляет невнимательное отношение к нуждам больниц и амбулаторий».

На городской совет в 1934 году в ответ на критику «Лёгкой кавалерии» жаловался и заведующий больницей Успенский: «Сколько раз просили их отпустить для больницы сухие дрова. Ничего не помогает. Словно не горсовету говоришь, а стенке». Сырые дрова приходилось сушить с раннего утра на котлах, от них шёл непрерывный едкий дым. Заведующий выговаривал повару, а тот, мотивируя невозможностью приготовить иначе обед для больных вовремя, продолжал так делать. Холодно было в родильном и хирургическом

отделениях. Местная газета написала о проблемах в больнице и сырых дровах 2 декабря, а к 10-му декабря положение значительно улучшилось, что следует из газетной статьи (выдержка приведена выше).

Тот же «Молодой коммунар» публикует заметку «За образцовую амбулаторию» за подписью Абаполова: «По-деловому взялись за устранение недостатков, отмеченных „Молодым Коммунаром“, руководители и медперсонал центральной амбулатории. В помещении образцовая чистота. Бережно хранятся медикаменты. Ожидальная комната хорошо оборудована. Выписаны газеты и журналы. Делается вешалка».

В 1937 году в больнице открылось акушерско – гинекологическое отделение. Развитие медицины в Моршанске не прекращалось даже в годы войны. Имена и фамилии моршанских медиков были известны по всему Союзу. Они лечили, учили, сражались. Так, например, медработница комсомолка М. Казьмина в своём заявлении, опубликованном в местной газете, писала *«...Как гражданка Советского Союза, член Ленинского комсомола, не могу стоять в стороне и прошу зачислить меня добровольцем на фронт в армию»*. Не хватало рабочих рук, не хватало времени на сон, а медицина продолжала развиваться. В первой половине 1941 года врачебную практику в Моршанской больнице прошли 24 студента медицинских институтов Москвы, Воронежа, Казани, Саратова. За 1941 год больничного отчёта не сохра-

нилось, о чём есть пометка в документах в городском архиве, а вот, начиная с 1942 года, мы можем проследить, как работали и с чем сталкивались медики Моршанска.

В 1942 году: больных – 5088, смертность – 289. Самое большое количество смертей от сыпного тифа. Далее следуют острый живот, дифтерия, лёгочные заболевания, сердечные, желудочные. 10 смертельных исходов токсической диспепсии, 3 смерти по причине гинекологических заболеваний, почечные болезни, менингит, брюшной тиф, столбняк. Операций не так много, как в госпиталях – всего 231. Врачей не хватало, а те, что были, работали в нескольких местах сразу, многие преподавали в фельдшерско-акушерской школе, а ещё привлекались к общественным работам, оказывали помощь семьям фронтовиков, участвовали в уборке урожая. К 1943 году из 138 должностей в штатном расписании были заняты только 119. Врачей немного. Два терапевта, две с половиной ставки в хирургии, один врач в родильном отделении, по одному в детском, гинекологическом и инфекционном отделениях, рентгенолог и главный врач. Обязанности главного врача исполнял Леонид Михайлович Краснянский. Как он успевал совмещать такую ответственную работу с не менее ответственной должностью директора фельдшерско-акушерской школы? Для меня загадка. Видимо, постоянные экстренные ситуации заставляли мобилизоваться, и работать с удвоенной силой. Несмотря на сложности, осуществлялись выезды Скорой помощи на машинах

и лошадях, неотложная помощь была оказана за этот период 381 раз. Произведено 306 операций, 90 их них – полостные. Для специальной обработки использовались серная и жаровая дезкамеры. Младшего и среднего персонала постоянно не хватало, выручали девочки из фельдшерско-акушерской школы. Обслуживающего персонала тоже недоставало, из 27 вакансий занято было только 19. Моршанским медикам в годы войны приходилось не только лечить и учить. Газета «Большевик» от 31 августа 1943 года писала:

«Заслужили благодарность колхозников

29 августа работники городской поликлиники и других медицинских учреждений города участвовали в воскреснике по оказанию помощи колхозу им. Политотдела (контора колхоза находилась на улице Кирова – Т. Гуркова) в уборке урожая.

27 человек заскирдовали 75 копен овса и заслужили благодарность колхозников за свою хорошую работу. Особенно добросовестно трудились тт. Рождественская, Дроздова, М. Ф. Шишова, Полетаева и другие. Для участников воскресника колхоз организовал общественное питание.

М. Евдокимова»

В 1943 году в городскую больницу поступило 4232 человека, смертность составила 257 случаев. Среди причин смертности лидирует, как и в предыдущем году, сыпной тиф, сердечные болезни, грыжи, малярия. В отчёте значатся: ки-

ста яичников (семь смертельных случаев от разрыва кисты), желудочные болезни, аппендицит, аборт с кровотечением, заболевания почек. Столбняка, брюшного тифа, менингита, токсической диспепсии меньше не стало, но обходилось без смертельных случаев. Операций произведено 481, смертей – 16, из них пять от последствий криминальных абортов, когда женщин не удавалось спасти. В таких случаях документы передавались прокурору, об этом сохранились записи в архиве. Всего абортов с кровотечением было в 1943 году 212 и 50 медицинских «благополучных», если можно так сказать об этой операции. Просто волосы дыбом встают от чудовищных цифр. Семьдесят три криминальных аборта! Если существовали подпольные криминальные аборты, выходит, существовали и медики, которые их делали?! И до какого отчаяния должна была быть доведена женщина, чтобы решиться на такой шаг?! Искренне хочется думать, что здесь у статиста Ивановой закралась ошибка. И, если не ошибка, то хотелось бы порадоваться, что в 1944 году их уже не было, родилось 354 живых младенца, но: «увы и ах». В 1944 году было произведено 83 медицинских аборта, вне учреждения 217, из них криминальных – 13, передано прокурору – 6. В городскую больницу поступило 4340 человек, смертность составила 207 случаев. В основном это сердечные и лёгочные заболевания, малярия, тиф, столбняк, скарлатина, гинекологические заболевания. Ежегодно поступали женщины с выпадением и загибом матки – вот они – последствия героин-

ческого самоотверженного труда. Был и несомненный прогресс. Скорая помощь выезжала на вызовы 634 раза, медики спешили на помощь населению в автомашинах и конных каретах. Произведено 2860 рентгеновских диагностических просвечиваний, 796 операций с удачным исходом. Начала снижаться смертность. Подсобное хозяйство больницы почти полностью обеспечивало потребность столовой в овощах и корнеплодах.

В 1944 году открылось детское терапевтическое отделение больницы, аптека, клиническая лаборатория, восстановлено глазное отделение. В открытой лаборатории для клинических исследований проведено за год 5293 анализа. Проводились занятия и практика для повышения квалификации районных работников по направлению райздрави. Только в 1944 году прошли обучение 24 медработника из района. Практику проходили студенты мединститута. В 1944 – 2 чел., в 1945 – 5 чел. Терапевт Софья Викторовна Гоф, которая вдвоём с Павлом Дмитриевичем Поповым вела всех терапевтических больных и успевала преподавать в ФАШ, была направлена в Москву в Боткинскую больницу на курсы усовершенствования. После обучения С. В. Гоф активно внедряла в повседневную практику сульфамидные препараты, витаминизацию, физиотерапевтическое лечение, переливания крови. В годы Великой Отечественной войны при городской больнице бесперебойно работал пункт переливания крови. Сюда приходили учащиеся старших классов, сту-

денты техникумов (учебные заведения не прекращали учебный процесс), рабочие предприятий. Они приходили поздно, после 12-14-часового рабочего дня. К марту 1944 года в Моршанске числилось 250 активных доноров. Каждую пятницу на пункт переливания крови приходили по 80 и более женщин для того, чтобы своей кровью спасти жизнь раненым бойцам. Самыми активными донорами являлись работники медицинских учреждений и учащиеся фельдшерско-акушерской школы (в некоторых документах медтехникума). Санитарка городской больницы Н. П. Ляхова за одну операцию сдавала по 400—500 мл крови, это максимально допустимое количество. В фондах Моршанского историко-художественного музея есть записи о том, что за 2 года 8 месяцев с начала войны эта женщина сдала 15,5 кг крови. Официально за 32 первых месяца войны моршанские доноры сдали 1 тонну 125 кг крови. Донорам полагалась компенсация за сданную кровь, но эти средства, как правило, вносили на постройку самолёта «Моршанский донор».

В последние восемь месяцев войны моршанская городская больница заполучила хирурга из лагеря МВД. Благодаря этому в 1944 году прооперировано на 496 пациентов, нуждающихся в хирургическом вмешательстве, больше. Сейчас трудно оценить то, какую огромную роль сыграл один дополнительный врач, но тогда, когда жители Моршанского, Ракшинского, Рудовского, Алгасовского, Пичаевского, Сосновского районов три с лишним года не могли получить ква-

лифицированную хирургическую помощь в нужном объёме, так как хирурги были мобилизованы, приход этого врача стал шагом вперед, маленькой локальной победой.

О победе. В победном 1945 году смертность по отчётам городской больницы снизилась до 116 случаев среди 3543 больных. Лидировали снова сыпной тиф, лёгочные и сердечные заболевания, туляремия, рак матки, последствия абортс с кровотечениями (из 205 зафиксированных случаев – 2 смертельных исхода). Были открыты нервное отделение, кожно-венерическое, отделение ухо-горло-нос. Отремонтированы крыши всех корпусов, отопительная система, а это – ни много, ни мало – 190 печей. Внутри корпусов выборочно сделана побелка и покраска, а в операционной и перевязочной – полный ремонт. Все работы были начаты ещё в 1944-м, но именно с победой ассоциировались новшества и достижения. Отстроена заново прачечная, санпропускники, дезкамера. Отремонтирована водопроводная сеть и канализация, которую проводил в начале века в составе бригады водопроводчиков Пётр Петрович Иванов (впоследствии основатель и первый директор нашего музея). Произведена надстройка 2-го этажа одного из зданий больницы и произведён большой капитальный ремонт разрушенного здания, что дало возможность расшириться на 50 коек. Примерно в то же время с помощью облздрави и наркомздрави получено 4000 метров мануфактуры от суконной фабрики и 100 одеял.

В 1947 году было открыто Патологоанатомическое отделение. На следующий год после открытия поступил из Министерства здравоохранения Приказ №90 от 17 февраля 1948 года «Об улучшении патологоанатомического дела в больницах». Казалось бы, кругом улучшения, но в отчёте нахожу строчки о том, что хирургический инструментарий пришёл в негодность, ухудшилось снабжение медикаментами, да и сами отчёты пишутся на упаковочной бумаге от табака 3 сорта. В 1949 году старейший врач города Николай Николаевич Зимин выступил на собрании медицинских работников с докладом, в котором описывалась система здравоохранения Моршанска и Моршанского района. Он перечислил достижения послевоенных лет: в Моршанске работает больница на 260 коек, туберкулёзная больница на 40 коек, детская поликлиника, женская и детская консультации, зубоврачебная амбулатория, пять здравпунктов на предприятиях и т.д.; в городе насчитывается более 60 врачей, 200 человек среднего медицинского персонала. Изменило своё лицо и сельское здравоохранение. В Моршанском районе открыты три новых больницы, шесть врачебных амбулаторий, 14 фельдшерско-акушерских пунктов, 8 здравпунктов, два родильных дома. В с. Карели открыта женская и детская консультация. Девять врачей и около 70 медиков среднего звена работают в сёлах района. Отчёты о работе больницы уже не пишутся от руки, а печатаются на нарезанной обёрточной бумаге.

Коллектив Моршанской горбольницы. 2-й ряд слева направо: Софья Викторовна Гоф, Константин Митрофанович Милоглазов, Зоя Владимировна Кожевникова, главврач Леонид Михайлович Краснянский, крайний справа Иван Фёдорович Осадчий.

В 1957 году детская поликлиника и стационар объединяются в самостоятельную детскую больницу на 50 коек.

С 1931 по 1958 год ЦРБ служит учебно-педагогической базой Фельдшерско-акушерской школы, медицинского училища, а после их расформирования базой 2-го Московского

медицинского института.

В Моршанском историко-художественном музее хранится краткая историческая справка по состоянию медицины в Моршанске на 1957 год. Вот выдержка из неё: «В настоящее время в городе работают две больницы, 4 поликлиники, 2 врачебных здравпункта, 7 рентген-кабинетов, 2 диспансера, менингитный пункт детского отделения, детский санаторий. Число коек увеличилось до 350 (с 75 в 1913 г. – прим. автора).

В 1959 году планируется начать строительство на территории городской больницы нового 4-х этажного корпуса терапевтического отделения с поликлиникой». Дополнить эту справку хочется сведениями из доклада Л. Н. Адливанкина примерно того же периода: «в городе 100 врачей, 300 человек среднего медперсонала..., 6 здравпунктов на фабриках и заводах... имеется 3 д/ясли, дом ребёнка, 3 аптеки, фельдшерско-акушерская школа, санитарно-эпидемиологическая станция».

В 60-е годы часть барачных и подсобных помещений центральной районной больницы была снесена, а в 1967 году был построен новый корпус больницы. Тогда же число коек увеличилось до 400, открылись новые отделения: неврологическое, травматологическое, глазное, ушное.

Девять отделений ЦРБ и 27 лечебно-профилактических учреждений города обслуживало уже не пять врачей, а более восьмидесяти. На территории Моршанского района в это

время действовало 66 лечебных учреждений (Ракшинская районная больница; 12 участковых больниц на 265 коек; Врачебная амбулатория совхоза «Моршанский»; 36 Фельдшерско-акушерских пунктов; 12 Фельдшерско-акушерских здравпунктов), в них работали 27 врачей, медицинские сестры, фельдшеры-акушеры. Вернёмся к ЦРБ. Главным врачом ЦРБ в то время и до 1987 года была заслуженный врач РСФСР В.А.Решетникова. Городскую поликлинику в 50-60-е годы прошлого столетия возглавляла Лидия Ивановна Котова. За достигнутые успехи в области медицины она награждена знаком «Отличник здравоохранения РСФСР». В 1975 году ей, одной из первых среди врачей Тамбовской области, присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР», в 1988 году – звание «Почетный гражданин г. Моршанска».

С 1987 г. по 1989 г. ЦРБ руководила Е.И.Грошовик. С 1989 по 2005 гг. – заслуженный врач РФ А. Н. Секретарев. С 2005 года по 2019 год – В. В. Милованов.

Новейшая история

Вот её-то я постараюсь не касаться, дабы никого не обидеть словом или, напротив, молчанием. Приступая к сбору информации для книги, я ограничила себя временными рамками, выделив две основные части – вехи: уездные и земские врачи, и военные медики. Потом моим героям стало тесновато в обозначенных рамках, пришлось немного расширить границы повествования вплоть до постройки нового здания ЦРБ. Считаю, что после его введения в эксплуатацию начался совершенно новый этап развития медицины в Моршанске, который уже не был уездным провинциальным городом, а стал настоящим промышленным центром Тамбовской области. В разные годы здесь работало множество прекрасных врачей и медицинских сестёр, но это – совсем другая история, ведь они уже не были первопроходцами.

Подведём итоги. В советский период Россия достигла значительных успехов в создании действенной системы здравоохранения (это не пропаганда, не ностальгия, а констатация фактов), во многом этому способствовала советская концепция развития общественного здравоохранения, «ориентированная на массовую профилактику и предупреждение инфекционных и эпидемических заболеваний, на вакцинацию и иммунизацию всего населения». Все опасные инфекционные и паразитарные заболевания, болезни органов ды-

хания и пищеварения, младенческая и материнская смертность были поставлены под жёсткий контроль. В результате страна, пережившая страшные потрясения, к середине 1960-х годов достигла средневропейского уровня продолжительности жизни (около 70 лет). Не только в столице и крупных городах, но и бывших провинциальных городках, таких как районный центр – Моршанск, повысился общий уровень жизни, грамотности, социально-гигиенической культуры, снизился уровень смертности, особенно заметно это было по уровню детской смертности.

О новейшей истории ЦРБ скажу немного, лишь то, что есть на сайте учреждения. В 2003 году Моршанская центральная районная больница им. М. В. Быстрова переименована в «Муниципальное учреждение здравоохранения «Моршанская центральная районная больница». В 2005 году в её состав вошли наркологический диспансер и станция скорой медицинской помощи, а в 2007 году – стоматологическая поликлиника и детская больница на 35 коек.

В 2012 году больница реорганизована в ТОГБУЗ «Моршанская центральная районная больница». В 2013 году в её состав в качестве филиалов вошли Алгасовская, Ракшинская и Карельская участковые больницы. Возглавляет ЦРБ И. И. Комаров.

Переход на личности

Условности соблюдены. О становлении медицины в Моршанске я вкратце рассказала, о формировании санитарной службы тоже, не обошла вниманием и Центральную районную больницу с её замечательной историей. Теперь самое время переходить на личности. Я честно пыталась соблюсти хоть какую-то хронологию или её видимость, упорядочить, кто за кем будет идти, по времени, по значимости, известности или ещё каким-либо признакам, однако, герои моих рассказов не позволили этого сделать. Да и какое может быть нормирование в повествовании, если люди, о которых пойдёт речь дальше, в рамках истории жили в одном временном отрезке, делали одно общее дело. Пожалуй, я начну с рассказа о докторе Максимове. Его судьба тронула струны моей души и, хотя, он умер, когда меня и на свете не было, мне история его жизни кажется близкой. Наверное, потому, что его молодость пришлась на слом эпох, смену государственного строя, как и юность моего поколения на сумбурные 90-е годы.

Нет поводов для грусти.

Максимов Николай Павлович

Если Вам сегодня тошно от неопределённости и обидно за несправедливости, есть претензии к государственному строю, исправить ситуацию легко, причём без всяких революционных преобразований. Стоит только обратиться к истории, даже не столь далёкой, например, к судьбам людей, живших в начале двадцатого века. Сколько неопределённости, неустроенности, опасностей и препон выпало на их долю, а они, тем не менее, не только жили, но и учились, и работали. Почти все медики старой школы, которые прошли по две войны, ощутили в полной мере на себе силу и мощь государственных преобразований. К их числу можно отнести и коренного морщанца Николая Павловича Максимова. Старшее поколение горожан, возможно, помнит этого доктора. Рассказывают, что обратиться к нему можно было в любое время суток, прийти в больницу или постучаться в окошко его дома, и если он был в силах помочь – обязательно помогал. В фондах нашего музея есть папка с материалами, озаглавленная Максимов Н. П. 1920—1955 гг.. В отличие от папок других известных докторов, эта не содержит грамот, сведений о наградах, поздравительных адресов. В ней лишь автобиография да несколько фотографий и докумен-

тов. Рассказ о докторе Максимове, который пойдёт далее, основан на них и воспоминаниях очевидцев.

Отец Николая Павловича Максимова служил бухгалтером в магазине купца Каверина. Моршанский мещанин Павел Максимов ежедневно приходил на работу в здание нынешнего Историко-художественного музея, подсчитывал на чёрных деревянных счётах хозяйскую прибыль и мечтал дать сыну хорошее образование, если повезёт, то по врачебной части. С этой целью и в реальное училище мальчика отправил и на дополнительные уроки латыни не скупился, денег давал. Николай надежды отца вполне оправдывал, достойно окончив Реальное училище и сдав специальный экзамен по латинскому языку, поступил в 1914 году на медицинский факультет Юрьевского Императорского Университета (Тарту, Эстония). Медицинский факультет был основан в составе пяти кафедр и одной прозектуры: анатомия, физиология и судебная медицина, учение о лекарствах, диетика, история медицины и медицинская литература; патология, семиотика, терапия и клиника; хирургия (искусство лечения ран); акушерство и ветеринария; прозектор анатомического театра. С самого своего возникновения факультет имел три теоретические и три практические кафедры, что обеспечило ему интенсивное и пропорциональное развитие. Университетская жизнь была насыщенной. Здесь учились или преподавали изобретатель гальванопластики Мориц Херманн Якоби, основатель сравнительной анатомии и эмбриологии

Карл Эрнст фон Бэр, обладатель Нобелевской премии в области химии Вильгельм Фридрих Оствальд и многие другие. Фактически университет был монополистом по подготовке учёных в западной провинции Российской Империи. При этом на востоке он тесно сотрудничал с Петербургской Академией Наук, а на западе – с немецкими университетами. С Дерптским университетом связаны имена Н. И. Пирогова и Н. Н. Бурденко. Отец Николая Максимова надеялся, что учёба в таком университете станет для сына первой ступенькой к науке, известности, славе, хорошей частной практике и состоятельности.

Проживая в дореволюционном Дерпте (Лифляндия), доме №10 на Малло-Феллинской улице, студент-медик обзавёлся красивыми, скромными, но добротными визитными карточками. Казалось, вдалеке от столичных революционных брожений жизнь его и учёба будет проходить без каких-либо недоразумений. Однако благополучно доучиться до донца не удалось.

В 1917 году город Юрьев был взят немецким войсками, после оккупации Юрьевский университет был объявлен немецким университетом. Русская часть профессорско-преподавательского состава и русские студенты вынуждены были покинуть университет. Николай Максимов по настоянию отца переходит на медицинский факультет Казанского университета. На этом злоключения студента на чужбине не закончились. Не прошло и нескольких месяцев, как Казань

оказалась захвачена Народной армией КОМУЧа и чехословацким корпусом, нужно было срочно переводиться в другое учебное заведение. Впрочем, во время Гражданской войны в августе-сентябре 1918 года Казань покинула значительная часть её жителей, большое количество преподавателей и студентов университета.

Так, Николай Максимов перевёлся в Московский Университет, где в это время проходили значительные преобразования, связанные с военным положением: открывались курсы по уходу за ранеными; была значительно ускорена и усилена подготовка студентов по военно-полевой хирургии, санитарии, травматологии. Клинические школы, сформировавшиеся в московском университете в дореволюционные годы, стали основой первых крупных клинических школ советского периода, обеспечив тем самым важнейшую функцию преемственности научного знания.

В 1919 году Николай Максимов окончил пятый курс медицинского факультета в Москве (Первый Московский государственный ордена Ленина медицинский институт, диплом №156) и был назначен заведующим Ольховским медучастком (село Ольхи, Ламского района, Тамбовской области) с правом самостоятельной врачебной деятельности. Только обвыкся на новом месте, как начальство, Моршанский Губздрав, командировало «на усовершенствование» при Московском Государственном Университете по хирургии и гинекологии. По окончании Н. П. Максимов назначает-

ся врачом-хирургом в Сосновскую больницу. Проходит год с небольшим и Максимов получает новое назначение – на Гагаринский медучасток (село Гагарино, Пичаевского района, Тамбовской области). Неполных два года работы в Гагарино и опять направление «на усовершенствование» в Казанский институт Усовершенствования врачей по хирургии и болезням уха, носа и горла. Тогда, в 20-годы, в райцентрах Черноземья и Тамбовской области в том числе, начинают появляться новые «отолярингологические» (так в источнике) отделения, для них требуются кадры. Вернувшись с курсов, молодой врач отправляется к следующему месту, в Земетчинскую больницу. И только в 1929 году Николай Павлович Максимов, доктор с десятилетним стажем, приезжает работать хирургом и отоларингологом в железнодорожную поликлинику ст. Моршанск. Его специализацией на долгие годы становятся болезни уха, горла и носа. С ларингологией связана и его деятельность в Моршанском тубдиспансере. Там проработал он до 1955 года. Выйдя на пенсию, принимал больных на дому. Будучи в направлении «ухо-горло-нос» одним из первых специалистов, он приобрёл колоссальный опыт. Есть в моей копилке историй рассказ внука основателя нашего музея Константина Феофиловича Иванова. Он запомнил на всю жизнь одну из рыбалок и её последствия. Как-то, будучи подростками, Костя Иванов и Коля Торопцев отправились рыбачить на Лештавку. Разделись до трусов, не обращая внимания на прохладную воду, рыбачили

всласть. Через несколько дней у Кости появились проблемы со здоровьем, особенно напугали отёки на ногах. Родители забегали с ним по больницам. С диагнозом нефрит он лежал и в Тамбове, и в Москве, анализы были плохими, ничего не помогало, и парня вернули домой. Настроение у всей семьи было соответственное, а тут вдобавок ко всему и горло у Кости заболело. Родители, как и многие родители того времени, обратились к Николаю Павловичу Максимову, он принимал на дому. Николай Павлович, осмотрев подростка, сказал, что у него хронический тонзиллит, миндалины выглядят непрезентабельно, нужно бы прооперировать, возможно, тогда проблем со здоровьем станет меньше. Однако заведующая отделением отказалась принимать пациента на операцию с такими анализами, заявив, что ей лишний труп не нужен. Мы с Вами хоть раз в жизни да слышали что-нибудь подобное, огорчались, как правило, но Ивановы сдаваться не привыкли. Мама начала давать сыну стрептоцид, а сестра Надя взяла карандаш и подправила показатели в очередном бланке анализов. Константину таки сделали операцию и после этого анализы вдруг резко сами по себе пришли в норму. Пожилой доктор объяснил взаимосвязь между одним и другим, но не стал вдаваться в подробности, как он сразу догадался, что нужно делать. С тех пор диагноз хронический гломерулонефрит всегда у Константина Феофиловича ассоциировался с рыбалкой на Лештавке и пожилым моршанским доктором, тихо и без пафоса спасшим его.

Особенным авторитетом Николай Павлович Максимов пользовался у мамочек малышей, плачущих от боли в ушах, они стремились попасть со своими чадами именно к нему. Наш главный хранитель, Галина Викторовна Казина рассказывала, что её свекровь водила сына Вовочку (будущего мужа Галины Викторовны – Владимира Александровича) только к Максиму. Грамотный и опытный был специалист, а ещё – добрый в общении. Своей семьёй он не обзавёлся, по крайней мере, никто не помнит, чтобы у него была жена или дети, да и в документах нигде не упоминается. Поговаривали, что выпивал он от своей неустроенности и осознания несбывшихся надежд, но документального подтверждения этому нет, а значит, не будем и обращать внимания на досужие разговоры. Документально подтверждается его происхождение, обучение, Трудовой список и непростые годы жизни.

Во время исторических перемен, выпавших на годы жизни и деятельности Н. П. Максимова, документы часто терялись, неоднократно приходилось их восстанавливать, а при выходе на пенсию – подтверждать трудовой стаж свидетельскими показаниями, разыскивать сведения в архивах. Выручали коллеги-врачи, они с подобными проблемами были знакомы не понаслышке, поэтому на просьбы о помощи откликались и давали подтверждения – нотариально заверенные справки о том, что работали в одно время с Н. П. Максимовым.

Мечту отца Николай Павлович воплотил отчасти, «на доктора» выучился, а вот состоятельным врачом частной практики не стал, почёта и славы тоже не достиг. Когда в свет вышла «История развития оториноларингологической службы в Тамбовской области» с именами тех врачей и учёных, что стояли у истоков направления, и работающих ныне медиков, имени-фамилии Моршанского врача Максимова там не оказалось.

В то самое время, когда сын Павла Максимова Николай, только готовился к медицинской карьере, в Моршанск прибыл на постоянное местожительство военный врач Александр Иванович Берндт, как занесло этого заслуженного человека, отмеченного государственными наградами, дворянина, родственника поэта Пушкина в провинциальный городок? Довольно просто. Он был женат на дочери моршанского купца, однако, обо всём по порядку.

Докторъ Александр Иванович Берндтъ

Началось всё с тяжёлой металлической таблички. Скорее всего, когда-то она крепилась к входной двери, о чём свидетельствуют аккуратные отверстия с четырёх сторон. На табличке выгравировано: Докторъ *Александр Иванович Берндтъ*. Именно так, с завитками и ятями. Естественно, захотелось найти сведения о владельце таблички и двери, её размещающей. Подняв топографические описи, нахожу отсыл к источникам, из них получаю некоторые сведения, далеко не обширные, но позволяющие оценить превратности судьбы этого человека.

Не за все сведения могу поручиться, но картина складывается следующая. Александр Иванович Берндт происходит из рода Ганнибалов, если очень постараться, можно даже определить дальнюю-предальнюю степень родства с великим Пушкиным. Родился Александр в семье потомственных дворян Петербургской губернии Ивана Александровича Берндта и его супруги Елизаветы Васильевны (в девичестве Грязновой) 20 ноября 1862 года. Получил классическое начальное образование. Поступил в Императорскую военно-Медицинскую академию. О дальнейшем его жизненном пути можно узнать из послужного списка.

«Являлся к исполнению воинской повинности при призыве 1882 г. и по вынужденному №1400 жребью зачислен в ратники ополчения, в чём Санкт-Петербургским городским по воинской повинности Присутствием выдано свидетельство 2-го ноября 1882 года за №45. По окончании курса наук в Императорской Военно-Медицинской академии признан в степени лекаря. За пользование в Академии стипендией военного ведомства обязан прослужить четыре года девять месяцев. На основании ст. 18 временного положения об академии, „прислуженного“ к ст. 1006 – 1200 кн. XV Св. В. Постан. 1869 г. по III продолжению засчитывается в Государственную службу на три года». Итак, Александр Берндт был Высочайшим приказом о чинах гражданских за №53 определён на службу в II пехотный Псковский Генерал Фельдмаршала Князя Кутузова Смоленский полк младшим врачом. С этого шага началась его служба Отечеству, Государю, обществу. С этого момента и до самой смерти Александр Берндт лечил людей, большей частью военных.

Отслужив положенные три года, 6 марта 1891 года Берндт прибыл за новым назначением и был приказом по 3-ей пехотной дивизии от 12 мая 1891 года за №87 прикомандирован к Нижегородскому местному лазарету, куда и отправился. Не успев прибыть в полк, Александр Берндт получает новое распоряжение главного Военно-Медицинского Управления, 13 мая 1892 года он командирован в город Ашхабад для борьбы с холерой.

Почти полгода ушло на борьбу с холерой. После успешного её окончания Берндт командирован в Тульское уездное по воинской повинности Присутствие для освидетельствования новобранцев призыва 1892 года. К концу года был направлен распоряжением Московского окружного Военно-Медицинского Управления в Тульский местный лазарет. Спокойная и относительно безопасная работа продолжалась недолго. Распоряжением Главного Военно-Медицинского Управления Берндт командирован для борьбы с холерой в город Екатеринодар. 16 марта 1893 года он поступил в распоряжение Начальника Кубанской области, где и пробыл до 16 декабря.

Довелось Александру Ивановичу находиться и не раз на охране объектов, принимающих Его Императорское Величество. Зарекомендовал себя он с самой, что ни на есть положительной стороны. Так, например распоряжением главного медицинского инспектора был назначен на службу в 5-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон младшим врачом сверх комплекта, а при мобилизации назначен исполнять должность старшего врача батальона, и 12 мая 1895 распоряжением врача Штаба войск Южно-Уссурийского отдела прикомандирован к Никольскому местному лазарету, а затем к Владивостокскому местному лазарету.

Высочайшим приказом о чинах гражданских А. И. Берндт утверждён в чине Титулярного Советника со старшинством. Проходит несколько лет, и он уже Коллежский асессор

со старшинством.

Доподлинно неизвестно, где и когда потомственный дворянин. Полковой врач Александр Берндт познакомился с девицей Татьяной Лещовой, своей будущей женой, семья которой проживала в Моршанске на улице 2-ой Базарной. Сведений об этом периоде мало, известно лишь, что отец Татьяны Ивановны владел посудной лавкой, значился и в числе судовладельцев, имел свой каменный дом и воспитал дочь в православии. Александр Иванович Берндт и Татьяна Ивановна Лещова вступили в законный брак, в коем 18-го октября 1895 года родилась дочь Елизавета. Есть в наших фондах (Моршанский историко-художественный музей) в числе прочих один интересный и не совсем мне лично понятный документ – Ответ Председателя Окружного суда на письмо А. И. Берндта, адресованное 2-му председателю 20 июня, перед отъездом из Владивостока в Петербург. В нём сказано: «Председатель Владивостокского Окружного суда имеет честь уведомить г. Доктора Берндта, что приёмная дочь его усыновлена ему определением суда 23 июня 1898 года». Далее о детях имеется лишь одно упоминание: в 1904 году в связи с поступлением дочери Елизаветы в учебное заведение Берндтом была запрошена копия Послужного списка. Дальнейшая судьба дочери или дочерей Александра Ивановича неизвестна, что не так уж удивительно, учитывая вероятную смену фамилии при замужестве и возможное нежелание после революции иметь дворянские кор-

ни. Кстати, на момент выдачи копии Послужного списка А. И. Берндт имел неплохое материальное обеспечение: жалованье – 900 рублей, квартирных – 478, столовых – 360 рублей. Взысканиям не подвергался. Имел две серебряные медали и поощрения.

Находясь приписанным к 4-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку и работая в Никольском местном лазарете, 3 мая 1898 года Высочайшим приказом о чинах гражданских Берндт произведён в Надворные Советники.

Послужной список представляет полную картину передвижений и командировок Александра Берндта. 12 июля 1899 года полковой врач Александр Берндт командирован в Императорскую Военно-Медицинскую Академию. 9 сентября 1899 года прибыл к клиническому военному госпиталю, а по случаю мобилизации войск Приамурского военного Округа откомандирован обратно к штатному месту службы. Вернулся на Дальний Восток, где 5 августа 1900 года был назначен помощником бригадного врача 4-ой Восточно-Сибирской стрелковой бригады в большой отрядный лазарет той же бригады. Совершил поход с вышеупомянутым лазаретом от города Владивостока до города Гирина, где и находился всё время до распоряжения об отправлении обратно в Академию, т.е. по 3 января 1901 года.

Возвратившись из командировки на Дальний Восток, Берндт вернулся в Императорскую Военно-Медицинскую Академию для окончания прерванного научно-практическо-

го усовершенствования.

В «деле», музейной папке Берндта есть фотографии, относящиеся к тому периоду, когда Александр Иванович является младшим врачом «II-го Гренадёрского Фанагорийского Генералисимуса Князя Суворова, ныне Его Императорского Высочества Великого Князя Дмитрия Павловича полка». На этот момент он уже надворный советник, награждённый медалью за поход в Китай. Курс усовершенствования пройден, экзамен выдержан успешно (пр. по полку 1903г. №285). Жаль, фото не самого лучшего качества, не подходят для газетной публикации, им более ста лет.

Командировки Берндта продолжают. Одним из жизненных испытаний стала командировка в Читу. Распоряжением Главного Военно-Медицинского Управления, как хирург, 17 февраля 1904 года он отправился на Дальний Восток в распоряжение командующего войсками. В весьма непростое время он оказался единственным хирургом военного госпиталя. О чём свидетельствует документ:

«Удостоверение

Полевой хирург Коллежский советник Александр Берндт, будучи командирован на театр военных действий в Русско-японскую кампанию в качестве хирурга и состоя с 21 февраля 1904 года по 8 февраля 1906 года главным врачом полевого запасного №14 госпиталя, в течение всего

указанного времени не только руководил ведением хирургического лечения раненых, присутствуя лично при всех больших операциях, но значительную часть этого промежутка времени был единственным хирургом госпиталя, при чём производил сам большие и малые операции.

С. – Петербург 15 ноября 1908 года.

Бывший военно-медицинский инспектор тыла Маньчжурской армии, ныне Помощник Начальника Главного Военно-медицинского управления. Действительный Статский Советник Быстров».

Последним листом в военной биографии потомственного дворянина, надворного советника, доктора Берндта стало участие в составе 167 пехотной дивизии в наступательной операции под Львовом в качестве дивизионного врача. Армии Юго-Западного фронта было приказано, прикрывая операции Юго-Западного фронта со стороны Карпат, нанести удар на своём правом фланге. 167 – ой пехотной дивизии приказано с 8- ми часов 23 июня начать методический обстрел артиллерией расположения противника редким, рассеянным огнём по всему фронту, который временами усиливать и сосредоточивать по высоте 2018 Гутин-Томпатеки и 2002 Мунчель. Командовал дивизией генерал-майор Исаев. После революции Исаев вступил в Красную армию, где занимался педагогической деятельностью. Неизвестно, к со-

жалению, когда и каким образом перешёл на сторону Красной армии надворный советник, потомственный дворянин Берндт, но известно, что и на стороне красных он занимался лечением людей, спасением человеческих жизней.

В августе 1917 года 167-я дивизия была расформирована. Революцию Берндт встретил в Моршанске. Вступил во Всероссийский Союз работников лечебно-санитарного дела. В 1919 году Александр Иванович Берндт, борясь с сыпным тифом, косившим красноармейцев хуже оружия классового врага, умер. Его, пусть недолгая, служба в Красной армии в местном лазарете впоследствии сыграла большую роль в спасении жизни вдовы, Татьяны Ивановны Берндт. В 1922 году во время небезызвестной кампании она оказалась под судом за сокрытие ценностей. Спасла справка, выданная Моршанским V отделением (отделом) Медсантруда. Впоследствии, Татьяна Ивановна ещё раз брала такую же справку и была не только освобождена от всех сборов, но и выхлопотала себе пенсию от государства. До 1957 года она проживала в доме №50 (ныне снесённом «доме Гайдара») по улице Лотикова, бывшей Софийской.

Пожалуй, это всё, что можно сказать с достоверностью о судьбе потомственного дворянина, Надворного советника, родственника великого поэта, доктора Александра Берндта, спасшего множество жизней в разных уголках Отечества и окончившего свой жизненный путь в Моршанске.

Выдающийся врач Поросятников

О выдающемся земском враче Поросятникове мы с вами никогда бы не узнали, если бы не случай. Я увидела на фотографии, запечатлевшей врачебный состав Моршанской земской больницы, незнакомое лицо. На тот момент я уже многих из докторов узнавала, поэтому моё незнание меня задело, и я начала «пытать» фондовиков: кто бы это мог быть? Естественно моим дорогим палочкам-выручалочкам Галине Викторовне и Ольге Леонидовне со всеми переездами и разборками фондов было абсолютно не до неизвестных личностей. Я подумала, что придётся забыть о загадке старой фотографии, но вдруг, совершенно неожиданно, Ольга Леонидовна Важенина принесла мне конверт из КВФ (4023), на котором значилось «Поросятников». В конверте находилось лишь письмо директору музея Морозовой Л. М. от Крылова П. М. и ...барабанная дробь... фотография того самого неизвестного. Теперь он перестал быть неизвестным. Это видный земский врач Поросятников Александр Николаевич (1880—1946 гг.), уроженец Моршанского уезда, окончивший Московский университет в 1911 году. После института вернулся в Моршанский уезд и много потрудился на благо здравоохранения его жителей. До революции работал в Моршанской земской больнице. В 1918 году был организатором отдела охраны здоровья детей Моршанского уездного отдела здравоохранения.

Молодой Надеждин

Григорий Григорьевич Надеждин родился в 1851 году в семье настоятеля церкви Воскресения Словущего в селе Серповом Моршанского уезда Тамбовской губернии. Его родители, Григорий Петрович и Прасковья Михайловна, хотели, чтобы Гриша продолжил дело отца и принял впоследствии приход, поэтому юноша поступил в Тамбовскую семинарию. Однако его честность, о которой много говорили современники, и которая впоследствии зачастую мешала ему продвигаться по службе, заставила молодого человека сделать другой выбор, он предпочёл медицину, поступил в Киевский университет Святого Владимира и с успехом его окончил в 1882 году. Выдержав экзамен, получил диплом доктора медицины и звание лекаря.

Свою трудовую деятельность Григорий Надеждин начал с должности земского врача в больнице села Заметчино Моршанского уезда. Скромный, трудолюбивый и работоспособный человек, он был воспитан в специфической атмосфере семьи сельского священника, а потому сам отличался кристальной честностью и от других требовал того же. На новом месте прекрасно зарекомендовал себя с профессиональной стороны, но вступил в конфликт с начальством и, проработав всего год, уволился. Через два года Григорий Надеждин получил предложение вернуться на этот же врачебный уча-

сток, а ещё через год заведовать Земетчинской земской больницей, где он и проработал пять лет.

Маленькая земская больница располагалась в жилом доме, каких либо приспособлений для удобства больных и врачей не было и в помине. Молодой врач Григорий Надеждин, невзирая на всё это, принимал больных, осматривал, оперировал; оперировал для того времени весьма успешно. В особо сложных и спорных случаях он приглашал для консультации врачей других земских участков, охотно принимал на практику студентов-медиков. Удивительным образом, при своём сложном бескомпромиссном характере, Надеждин смог сколотить работоспособный коллектив единомышленников. Сам он больше других сфер интересовался хирургией, в том числе урологией и гинекологией. Помимо интересов, ему нужно было исполнять обязанности санитарного врача уезда, врача в имении и на сахарном заводе княгини Ольги Петровны Долгорукой. Не иначе, как профессиональный фанатизм придавал ему сил; успевая выполнять свои прямые обязанности, Григорий Григорьевич открыл свою маленькую больничку для хирургического лечения слепых. За год он проводил несколько сот операций и готовил материалы для диссертации, темой для которой стала оценка результатов хирургического лечения по поводу камней мочевого пузыря. Почти при всех урологических и гинекологических операциях, начиная с 1885 года, он пользовался любезной помощью женщины-врача А. Д. Долговой. Ан-

на Дмитриевна брала на себя хлороформирование, то есть фактически была анестезиологом. Собственно помощников у него было не так много: женщина-фельдшер и больничная прислуга. Позднее, уже переехав в Гатчину, Надеждин очень тепло отзывался о них, особенно о Долговой. Коллеги шутили, что она, пожалуй, единственная, с кем Надеждин всегда ладил и не вступал в конфликтные споры. Став впоследствии старшим врачом городского госпиталя Гатчины, Григорий Григорьевич вскоре пригласил Долгову работать в этом госпитале.

28 декабря 1885 года он выступил на заседании бытовой секции Первого съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова с докладом «О значении хирургической помощи в земской медицине и о средствах привлечения страдающих глазными болезнями к врачебной помощи». В докладе он обобщил опыт организации хирургической помощи в условиях сельской земской больницы. По мнению Надеждина в земской практике доля глазных больных составляла от 3 до 6%, причём большая часть из них страдала серьёзными недугами, быстро приводящими к слепоте. Выступление оказалось удачным, получило множество заинтересованных откликов. Однако дальнейшая карьера Григория Надеждина продвигалась с трудом. Его попытка получить степень доктора медицины путём подачи отчёта о своей хирургической деятельности в один из русских медицинских факультетов окончилась провалом. Хотя в медицинских кругах

эта же самая работа была без сомнений признана достойной докторской степени. Но Григорий Григорьевич продолжал целеустремлённо и подчас фанатично работать. Вскоре он успешно защитил диссертацию «Материалы для оценки срединного камнесечения...», в которой дал описание 255 случаев операции на мочевом пузыре. Интересны выводы, которые делает Надеждин в своей диссертации, там, где дело касается общих мест:

«...Кроме прямого влияния хирургия оказывает побочное, весьма благотворное, популяризируя медицину и поднимая авторитет её среди темного люда.... На медицинских курсах хирургия должна преподаваться, между прочим, и в применении к заурядной земской обстановке».

Буквально через несколько лет обычный земский доктор, работающий в «заурядной обстановке» стал одним из лучших специалистов в России по оперативной урологии. Произошло это уже в Гатчине, куда Надеждин прибыл 1 ноября 1891 года на место уехавшего в Петергоф младшего ординатора Госпиталя Второва. На тот момент у Надеждина уже была семья: жена Евфимия Ильинична и дочери Ольга и Люба. Им предоставили служебное жильё в Госпитальном переулке. Обычной работы Надеждину было мало, он вёл и политическую, отстаивал своё видение путей развития медицины в Гатчине. Как член Совета Гатчинского отдела и член Главного Совета Союза русского народа, Надеждин

в 1905—1906 гг. проводил бурную агитационную деятельность. Идейным противником Григория Григорьевича был гатчинский земский врач Н. А. Колпаков, избранный в марте 1906 депутатом Первой Государственной Думы России от Царскосельского уезда, активный деятель партии Народной свободы (кадетов). Полемика между ними вызывала интерес у всего города и окрестностей, за ней следили, обсуждали, едва ли ставки не делали. Оба – уважаемые люди, грамотные врачи – схватывались не на шутку.

Следующий абзац я позаимствовала в у В. А. Кислова в статье *«Улицы и жители старой Гатчины»*: *«Министерство Императорского Двора, встревоженное слишком активным участием своих служащих в политических делах, 29 сентября 1906 года издало циркуляр, касающийся принятия особых мер в отношении лиц правительственной и общественной службы, поддерживающих движение против правительства. Всем должностным лицам воспрещалось участие в политических партиях, обществах и союзах, причём не обязательно революционных. Все служащие Гатчинского Дворцового управления, в т. ч. и медики, засвидетельствовали своими подписями ознакомление с этим документом. Однако доктор Надеждин, хотя и с меньшим пылом, продолжал участвовать в деятельности Союза русского народа вплоть до 1912 года».*

С 1896 года Надеждин работал старшим врачом Госпи-

таля. Помимо руководства Госпиталем и выполнения множества операций в его хирургическом отделении, Григорий Григорьевич был консультантом по хирургии столичных женских учебных заведений Ведомства Императрицы Марии; консультантом при лазарете Сиротского института; членом Правления Гатчинского благотворительного общества; преподавал гигиену и медицину в Учительской семинарии; собирал пожертвования на строительство железнодорожной платформы в Гатчине (Татьянино); вёл приём больных в порядке частной практики.

Неуёмная энергия Григория Надеждина начала иссякать, когда в семье случилось несчастье. Любимица отца, обладавшая таким же непростым характером, взрослая дочь Люба, к тому моменту замужняя, поссорилась с мужем сестры Оли. Поручик Добрышин на третий день Пасхи, 8 апреля 1914 года, на глазах всей семьи выстрелом из револьвера убил «обидчицу» Любовь Григорьевну Горскую (в девичестве Надеждину). После этого доктор Надеждин начал сдавать. Сначала отошёл от политических дел, а в мае 1917 года оставил руководство Госпиталем, объяснив это тем, что не видит для себя возможным участвовать в развале системы здравоохранения, который инициирует Временное Правительство. После октябрьской революции Надеждин ни на что уже больше не надеялся и уехал в Винницу на родину жены, там, в возрасте 70 лет в 1921 году, тихо, что ему было совершенно не свойственно, скончался.

Доктор Глуховцов

В газете «Согласие» журналист Надежда Чуженькова писала когда-то об улицах нашего города. В рассказе о медиках Моршанска отводилось особое место доктору Глуховцову. Говорилось, что лечил этот доктор исключительно богатых. Из нескольких предложений складывалось впечатление о нём как о человеке заносчивом, нелюбимом горожанами. Мне захотелось найти источник информации и, как говорится, узнать из первых уст об этом человеке, на самом ли деле он был таков, или в чьих-то воспоминаниях его образ трансформировался. Для начала я обратилась к тетради с воспоминаниями и письмам Натальи Алексеевны Сазоновой, уроженки Моршанска. Там действительно описывалась ситуация с медициной накануне революции. Наталья Алексеевна вспоминала, что в городе была земская больница и частные врачи, в разное время разное количество, в среднем – 7—8 докторов различной специализации. Отдельного детского врача в городе не было, что впрочем, не удивительно, врачи общей практики принимали и детей. Так поступал и доктор Глуховцов. Павел Степанович был терапевтом, но, как и другие, лечил детей. Не всех, а тех, чьи родители достаточно богаты, чтобы оплачивать его услуги. Услуги Павла Степановича стоили недёшево, он был дорогой доктор, за визит брал 3 рубля, а 3 рубля в то время – цена хороших туфель, но его

пациенты – богатое купечество новой волны – могли себе это позволить. К бедным Павел Степанович ездить отказывался принципиально, за что его горожане осуждали, но ничьи суждения и осуждения не могли поколебать его уверенности в себе.

Полученной информации мне показалось мало, и я продолжила поиски на просторах интернета, где, не особо надеясь на удачу, наткнулась на генеалогический сайт и родословную Павла Степановича Глуховцова.

19 декабря 1869 года в селе Бондарёвка Суджанского уезда, Курской губернии у Степана Васильевича и Ольги Ивановны (в девичестве Большевцевой) родился мальчик, которого при крещении 25 декабря нарекли Павлом, о чём осталась запись в метрической книге Митрофановской церкви. В ней же имелись записи о рождении у Глуховцовых детей: Василия, Владимира, Алексея, Александра, Тихона, Николая, Ивана, Сергея, Анны и Марии. Остальные дети Глуховцовых меня не интересовали, я собирала информацию о Павле Степановиче.

Павел Глуховцов окончил Орловскую классическую гимназию и поступил в Императорский Московский Университет, по окончании которого удостоился звания лекаря (подтверждённого документом за №1105 от 16.01.1896 г.). В 1890-м году, 28 ноября призывался на военную службу ратником ополчения первого разряда. В Моршанскую земскую (Мариинскую) больницу он пришел уже взрослым

сформировавшимся человеком, знающим, чего хочет, а хотел он достатка для себя и своей семьи. Его семья: жена Елизавета Эдуардовна (в девичестве Коссобудская), дочь Ольга 1899 г.р. (в замужестве Левадовская), сыновья Всеволод 1901 г.р. и Константин 1903 г.р.

Помимо работы в больнице Павел Степанович занимался и частной практикой. Доходы его были стабильны. В 1909-м году Глуховцов вступил в Тамбовское общество охотников. В 1914-м получил чин надворного советника, что указывало на наличие у него учёной степени и давало право на получение потомственного дворянства. Павел Степанович обзавёлся большим собственным домом, добротным выездом. Пешком по Моршанску на вызовы не ходил, летом приезжал к больным в щегольской пролётке, зимой – в санях, обитых ковром. Ухоженные лошади, нарядный кучер – всё красноречиво говорило о достатке. Казалось бы, жизнь удалась, но многое изменила революция, известие о которой сначала в городе даже не приняли всерьёз. Новой властью Павел Степанович Глуховцов был мобилизован в ряды Красной Армии. Умер в Крыму во время установления там советской власти или красного террора, точных данных не имеется.

Вот так история самоуверенного и благополучного баловня судьбы превратилась в драму, закончившуюся трагедией, а рассказ о Павле Степановиче Глуховцове, докторе для богатых, стал совсем неоднозначным.

Струве Эрнест Павлович

В воспоминаниях Натальи Алексеевны Сазоновой, что хранятся в Моршанском историко-художественном музее, Эрнест Павлович Струве – яркая противоположность Павлу Степановичу Глуховцову. Если покопаться, как следует, некоторые сходности между ними можно найти: современники, коллеги, оба работали в Моршанской земской больнице. В Адрес-календаре Тамбовской губернии за 1915 год в разделе «Земское собрание» указан как н. ч. потомственный почётный дворянин, то есть имел учёную степень и право именоваться «Ваше благородие». На этом, пожалуй, сходства заканчиваются. Доктор Струве являл собой олицетворение альтруизма и врачебной самоотдачи. Столько добрых и восторженных отзывов ходило о нём среди горожан. По воспоминаниям всё той же Натальи Алексеевны Сазоновой легко вырисовывается образ этого человека. Его честность, доброта, профессионализм не позволяли ему наживаться на болезнях и бедах. Даже у меня, не знакомой с ним лично, а лишь изучающей рассказы очевидцев и современников, во время работы с текстами складывалось ощущение, что он не только дал клятву Гиппократа, но и находился под постоянным присмотром легендарного эскулапа.

Русский немец Эрнест Струве родился в Моршанске в 1879 году. Получил высшее медицинское образование

и с 1905 года работал врачом в Моршанской больнице. В Моршанске жили его родители и вся большая семья. Эрнест Павлович лечил людей любого достатка, к бедным шёл в первую очередь и, если те не могли оплатить выписанные лекарства, зачастую сам оплачивал их. Мало того, денег за лечение не брал или брал по минимуму. Спешил на вызов в любое время суток. По городу в любую погоду шагал пешком, в окрестные сёла или слободы выезжал на велосипеде. Как-то раз в Дмитриевке, имении известных купцов Поповых, расположенном более чем в 20 верстах от города, заболел ребёнок, доктор Глуховцов, обычно обслуживающий состоятельных пациентов, выехать в такую даль либо не захотел, либо не смог. Обратились к Эрнесту Павловичу и тот, на своём выдавшем виды велосипеде, отправился в путь, оказав ребёнку помощь, вернулся домой затемно. Жил он в скромной наёмной квартире, лошадей, карет и саней не имел, а на свои, отнюдь не большие средства, умудрялся помогать родственникам.

В базе данных «Жертвы политического террора в СССР» «Книга памяти Тамбовской области», значится, что в 1918 году Эрнест Павлович вступил в партию социал-революционеров. В 1920-м году он из партии эсеров вышел. На протяжении довольно длительного времени власти лояльно относились к доктору. Репутация врача для бедных стала его охранной грамотой. Н. Сазонова писала, что не любить и не уважать такого человека просто невозможно. Но народ-

ная любовь не уберегла доктора от беды.

Сначала несчастье постигло родственника Эрнеста Павловича, Струве Владимира Павловича, родившегося в 1888 году в селе Иберцы Ряжского уезда Рязанской губернии. Агроном, ученый, селекционер-луговод, профессор, он с 1923 года работал директором Марусинской луговой опытной селекционной станции (Моршанский район). 30 сентября 1930 арестован по делу «Трудовой крестьянской партии», 18 февраля 1931 приговорен к высшей мере наказания с заменой на 10 лет ИТЛ с конфискацией имущества и высылкой семьи и отправлен в Вишерлаг. Жена и дети остались без денег и без жилья. Эрнест Павлович, конечно, предоставил им кров, помогал морально и материально, пока Зинаиду не восстановили на работе в школе для взрослых. Она писал во все инстанции, чтобы спасти мужа. При содействии Екатерины Пешковой ей удалось умиловить систему, Владимир Струве был освобождён из лагеря досрочно 28 января 1935 года, семья уехала к нему в Семипалатинск. Прошло совсем немного времени: 11 февраля 1938 года Эрнест Павлович был арестован и отправлен в Тамбовскую тюрьму. 2 сентября 1938 года осуждён Комиссией НКВД СССР и Прокурором СССР (ГАРФ Ф.Р-8409 Оп.1.Д.1668. с.77—78,83). В народе говорили, что арестовали его как немца перед началом войны, сослали куда-то в лагеря на Дальний Восток без права переписки. На самом деле к началу войны его уже не было в живых. Эрнест Павлович Струве, как и его

брат Отто Павлович Струве, расстрелян.

Его жена, русская, Струве Наталия Алексеевна, бывшая директриса женской гимназии, после октябрьского переворота работавшая преподавателем физики и французского языка в советской школе, долго разыскивала мужа. Писала во все инстанции, обивала пороги, но безуспешно. Когда выяснилось, что он погиб, не выдержала горя – тяжело заболела (говорили, что она сошла с ума), была помещена в Тамбовскую психиатрическую клинику и там умерла.

Когда я начала публиковать отрывки из книги в интернете и дошла очередь до рассказа об Эрнесте Павловиче Струве, то на связь со мной вышел внук основателя нашего музея Константин Феофилович Иванов, давно уехавший из Моршанска и проживающий много лет в Белоруссии. Он вспомнил, что учился в одном классе со Светланой Струве. Доктор Струве приходился ей дедом. Однажды (в шестидесятые годы) Костя Иванов, со своим отцом Фефилом Петровичем встретили в лесу Свету Струве с родителями, все они были на велосипедах. Феофил Петрович рассказал тогда сыну, что где-то примерно здесь, за «Соколиным кордоном», левее линии газопровода, приличный участок соснового леса принадлежал до революции семье Струве, старожилы так и называли его «Струвский лес». Спустя годы Константин Феофилович пришёл к выводу, что сын Эрнеста Павловича Струве возил тогда жену и дочь показывать землю, которая могла бы стать его наследством и принадлежать им, если бы

не октябрьский переворот.

Владимир Павлович Филонович.

Наблюдения земского врача

Я уже говорила в начале, что очень трудно придерживаться хронологии, так и цепляются рассказы друг за друга. По идее о В. П. Филоновиче нужно было рассказывать там же, где и о земской медицине, но уж очень большое отступление получалось. Пришлось отделить и обособить, тем более что личность его весьма колоритна.

Самый известный, пожалуй, из земских докторов Моршанского земства, надворный советник Владимир Павлович Филонович родился в 1856 году в семье Павла Михайловича Филоновича. Единственный сын коллежского асессора рос целеустремлённым, знающим чего хочет, а он хотел лечить людей современными методами, победить косность и невежество, стать настоящим высококвалифицированным врачом. На одном из генеалогических сайтов мне удалось найти его предков по мужской линии. Его отец Павел Михайлович, 1815 года рождения, из четырёх братьев (кроме Павла – Николай, Фёдор, Михаил), детей Михаила Михайловича Филоновича, оказался самым успешным. Только о нём имеются официальные данные: занимал должность, соответствующую в госаппарате армейскому чину майора. Знаком различия служили две звезды на двухпросветных

петлицах (почему-то при этих словах видятся герои Чехова). Младшие по должности, званию и происхождению обращались к нему «Ваше высокоблагородие». Его жалование по «Своду уставов о службе гражданской» 1842 года составляло 135 рублей серебром. До 1845 года чин коллежского асессора давал потомственное дворянство, потом – только личное. Впрочем, это ничего не меняло; и он сам родился в семье дворянина, и его сын потом, будучи доктором, был удостоен дворянского титула. Дед нашего героя (1777 г.р.), имея чин коллежского секретаря, занимал пусть и невысокий, но руководящий пост, а вот из сведений о прадеде остались лишь год рождения – 1743, да имя родителя – Павла Ивановича. Не думаю, что моё копание в родословной Филоновичей для чего-то пригодится, но, может быть, добавит несколько штрихов к портрету этого замечательного доктора, опережавшего своё время и удивлявшего не только провинцию, с которой связал свою жизнь, но своих столичных коллег.

Главный врач-хирург Моршанской земской больницы был любим горожанами. Он много трудился, совершенствовался, помогал людям, и судьба была к нему преимущественно благосклонна. В людской памяти он остался видным статным красавцем-мужчиной, имевшим свой дом, частный врачебный кабинет, авторитет и уважение сограждан. Когда я слышу рассказы об успешных известных людях, мне всегда бывает интересно, как они к этому пришли, какие цели ста-

вили, какими дорогами продвигались. Именно так появился интерес к судьбам не поэтов и писателей, не политиков и меценатов, а подвижников медицины, с этим интересом собирала материалы и писала я о судьбах первых врачей Моршанска, копалась в истории развития медицины. К колоритной личности Филоновича приблизиться долго не решалась, не зная, с какой стороны подойти. И всё-таки желание рассказать об интересном человеке победило нерешительность. Перевешивающим фактором стала фондовая папка, озаглавленная «Филонович В. П.». В ней оказались помимо фотографий записки о начале карьеры земского врача Филоновича, составленные местным краеведом Булатовым на основе воспоминаний В. П. Филоновича. Они-то всё и решили. На них я опираюсь в своём повествовании, стараясь делать это деликатно (текстов не заимствовала, плагиат не приемлю).

Дубовка. Дебют

В состоянии некоторой неуверенности въехал молодой врач Филонович в деревню Дубовку. Позднее он будет с особой теплотой вспоминать об этой маленькой земской больничке, о своих первых хирургических шагах, сделанных здесь, а пока его терзают сомнения, иногда даже накатывает страх, ведь предстоит одному, самому, вдали от научных центров, в тёмной и недоверчивой среде, принимать и спасать людей. Впрочем, последнее преобладало. Жажда работы и принесения пользы была столь сильна, что заглушала все остальные эмоции.

Дубовка встретила нового доктора приветливо. Управляющий графского имения, находящегося неподалёку, Александр Карлович Маас с женой приняли в устройстве Владимира Павловича живейшее участие. В первое время он часто проводил свободные вечера в их радушной гостеприимной семье, порой засиживаясь допоздна. В один из таких домашних вечеров пришло известие из больницы, доложили, что привезли из Левых Ламок священника с оторванной рукой. Гость молча, торопливо простился с хозяевами и всю дорогу, полторы версты, находился в задумчивости. Ему представился случай самостоятельно провести операцию, большую, настоящую, на живом человеке, оказать пострадавшему осязаемую помощь. Но вместе с этим пришла и растерян-

ность, захотелось вдруг, чтобы всё обошлось без операции. Приехав в больницу, Владимир Павлович выслушал доклад фельдшера и спросил непонятно у кого – у фельдшера или у самого себя – что же нам делать? Тот лаконично ответил: «Ампутацию». Весь его вид в тот момент показался доктору ехидным, что быстро отрезвило и дало правильное направление ходу мыслей, началась подготовка к операции.

Операционной служило помещение аптеки, а аптечный стол стал операционным. Фельдшер Александр Иванович, не дожидаясь указаний, приготовил в «операционной» инструменты, бинты, губки, корпию и хлороформ. Ассистенты уже ждали. Ехидный фельдшер, глухая акушерка, две сиделки и сторож Ефим, которому в своих записках Владимир Павлович отводит особое место. «Ефим, всегда присутствовавший при приёмах больных и заведовавший большим горшком с разведенной горчицей; на него была возложена довольно ответственная обязанность – вырезывать определённых размеров тряпку и, смазавши её горчицей, налеплять, куда прикажут; но горчичники, по-латыни синатумата, он называл по-своему „ляпизмата“, производя это название очевидно от глагола лепить».

Ассистенты обсуждают между собой, как батюшку угораздило попасть в такую переделку. Оказывается всё очень буднично и обыденно. Возвращаясь с какой-то требы, батюшка зашёл на гумно и, подойдя к молотилке, стал укорять подавальщика, что тот не так подаёт снопы: «Разве так пода-

ют – сказал батюшка, схватив сноп ржи, – вот как надо!» При этих словах батюшкину правую руку вместе со снопом втянуло в барабан. Пока останавливали барабан, рука превратилась в месиво по самый локоть. Выход был, действительно, один – ампутация. Батюшку уложили на стол и дали хлороформу. Нюхает батюшка хлороформ 15 минут, 20 минут, нюхает полчаса, а засыпать и не думает, шумит словно пьяный. Фельдшер, тот самый, ехидный который, под руку шепчет: «хлороформ-то... скоро весь...». Атмосфера волнительная. Да тут ещё вдобавок ко всему батюшка громовым басом, поставленным голосом провозгласил: «Нашему великолепнейшему эскулапу Володимеру многая лета». Под хихиканье фельдшера, религиозное трепетанье глухой акушерки доктору припомнился университетский анатомический театр, где спокойно в тишине, не торопясь и без волнений, на одной и той же руке можно было проделать разные методы ампутации, отыскивать сосуды, прощупывать сухожилия, а в случае неудачи – подправить. Здесь же ничего подобного проделать было нельзя, и медлить тоже недопустимо. Нужно сразу выбрать верный метод.

Наконец-то хлороформ подействовал и больной начал затихать. Тихим жалобным голосом пропел самому себе «недостойному иерею /имярек/ вечная память» и отключился. Владимир Павлович начинает орудовать инструментом и, не захватив быстро артерию, приходит в смущение – на трупах такого не бывало. Однако вид брызжущей крови заста-

вил собраться, мобилизоваться и все дальнейшие манипуляции произвести успешно. Итак, дебют состоялся. Батюшка после операции быстро пошёл на выздоровление и вскоре возвратился домой, но в церковь вернулся уже псаломщиком.

Двигатель прогресса.

Кузьма из деревни Горюнок

Жители Дубовки к любым операциям относились недоверчиво. Мази бы какой-нибудь или порошочка, настоечки можно, а вот всё, что связано было с медицинским инструментарием, вызывало опасения: «Зарежут доктора». Впрочем, некоторые из медиков сами говорили: «Лучше пусть больной погибнет от руки Божьей, чем от Ваших рук» и к операциям прибегали в исключительных случаях. Фельдшер Александр Иванович без устали твердил молодому доктору при случае: «Плох больной. Умрёт-с, а Вас станут обвинять: резали-с». Резон в его словах был. Но до чего же обидно было врачу, жаждавшему новаторства, умственного напряжения при распознавании болезни и удачного применения знаний и навыков, полученных в университете, отступить и отправлять больных домой умирать. Хотелось работать так, чтобы чувствовать нравственное удовлетворение, оперативным лечением сохранять человеку здоровье, а может быть и жизнь. Но всё шло своим чередом.

Неподалёку от больничной усадьбы жил недавно женившийся молодой купец. Его хорошенькая юная жена заболела гнойным плевритом. Было ясно, что без оперативного вмешательства она может погибнуть. Естественно и сама боль-

ная и её родные были напуганы словами доктора о необходимости операции. Владимир Павлович собрал консилиум из лучших врачей, тех, что были известны и пользовались популярностью в уездном городе и округе. Старшие коллеги, приехавшие на консилиум, были людьми осторожными и после того, как Владимир Павлович прочёл им доклад о состоянии больной, показал гнойное содержимое, добытое пробным шприцем, отсоветовали делать операцию, мотивируя всё той же фразой: «Лучше пусть больной погибнет от руки Божьей, чем от Ваших рук».

Между тем больная угасала на глазах. Домочадцы говорили, что она тает словно свеча, и пришёл день, когда она буквально истаяла. Эта смерть сильно подействовала на доктора. Всюду ему слышались разговоры о ранней и напрасной смерти, вся округа будто только и говорила о покойнице. В ночь перед похоронами доктор так и не смог уснуть, утомлённое сознание заставляло переживать вновь и вновь, нервы напряглись до предела, каждую минуту казалось, что вот-вот начнётся погребальный перезвон. К утру Владимир Павлович страстно мечтал, чтобы всё происходящее оказалось сном.

Этот печальный случай привёл молодого доктора к убеждению, что ему непременно нужен единомышленник. Выяснилось, таковой имеется и даже проживает неподалёку. Впрочем, неподалёку по современным меркам, в гости друг к другу они ездили впоследствии за сто вёрст. Доктор Ве-

ролюбвин приехал в с. Неметчино чуть раньше, чем Филонович в Дубовку (есть у меня подозрения, что на самом деле речь идёт о докторе Надеждине из села Земетчино). Григорий Григорьевич оказался человеком колоссальной энергии, знающим, образованным, да к тому же страстным приверженцем хирургии. Он, как шутили медики между собой, не признавал никакого другого лекарства, кроме металла, в хорошо отточенном и отполированном виде. Общаясь с Веролоубвиным, Владимир Павлович «заражался» его решительностью, оставалось только выдержать характер и не пойти «на поводу» у косности, отсталости, серости. И случай не заставил себя ждать.

Из деревни Горюнок доставили больного Кузьму Парамонова с гнойным плевритом, протекающим примерно так же, как у покойной жены купца. Филонович воспринял это как переэкзаменовку и одновременно вызов судьбы, проверку характера. Он, не считаясь с мнением фельдшера, проштудировал хирургические руководства, подготовился к оперативному вмешательству и назначил-таки операцию. Александр Иванович на сей раз молчал, глухая акушерка Марья Васильевна напротив, выражала удивление. Во время всех приготовлений больного лихорадило, его старушка мать переживала, что угаснет Кузьма так же, как угасали до этого многие, да взять хотя бы ту же молодую купчиху. Но надежда на доктора всё же была.

Владимир Павлович в ходе операции смело проник вглубь

грудной клетки и удалил из неё огромное количество гноя. Остальное выглядело как чудо. Кузьма свободно вздохнул, задышал ровно и на глазах пошёл на поправку. Сначала пошла на убыль лихорадка, а потом исчезла вовсе. К больному вернулись сон и аппетит, начал прибавляться вес. Мать выпросила разрешения остаться рядом с сыном и ухаживать за ним. Доктор, будучи счастлив от удачно сданного жизненного экзамена, не только разрешил старушке остаться в больнице, но и велел кормить больного со своего стола. В один из дней чешка Гизела, живущая в семье Филоновичей (Владимир Павлович успел жениться к этому времени) в качестве няни, приготовила пенистый сухарный квас. Квас вышел удачным, и доктор разрешил порадовать им выздоравливающего Кузьму. С этого момента стало особенно заметно улучшение в его состоянии. Мать Кузьмы, женщина деревенская, неграмотная, твёрдо уверовала в лечебную силу кваса. Для неё спасением Кузьмы стала не операция, а именно питьё необыкновенного напитка. Кузьма благополучно выздоровел и отправился в свою деревню Горюнок. Мамаша его о чудесном исцелении с помощью замечательного напитка не забыла и месяца через полтора явилась к Гизеле просить квасу. Гизела, растрогавшись верой пожилой женщины в чудодейственные свойства напитка, конечно, налила ей квасу. Полученную бутылку та запрятала в рукав кацавейки, горлышком вверх. В дороге под воздействием тепла квас начал бушевать и после тряски на ухабах, естественно, вышиб

пробку, облив старушке и одежду и волосы. В первые моменты пена даже стекала с её тщедушных косичек, что только укрепило бедную женщину в уверенности в волшебной силе кваса. Заявившись в деревню, она довольно рассказывала о происшествии товаркам, после этого уж вся деревня Горюнок верила в лечебные свойства напитка, который делают у доктора дома. Таким образом, репутация чешского кваса взлетела до невиданных высот. Некоторые больные являлись в больницу попросить квасу. Доктор подшучивал, что после исцеления Кузьмы квасолечение процветало. А если серьёзно, то удачно проведённая операция заставила поверить не только в силу кваса, но и медицины, подтолкнула деревенских жителей сделать шаг вперёд к цивилизованным методам и способам лечения. Как писал Владимир Павлович в своих записках: *«целые залежи хирургических больных, видневшихся на моём горизонте, заставили меня доступными мне средствами совершенствоваться в оперативной технике; с каждым годом область моей деятельности расширялась, на пути моём пришлось испытать много переживаний, и радостных и горестных, и смех вызывающих и выжимающих слёзы...»*

Гусятниковы

Знакомство с семейством Гусятниковых для доктора Филоновича началось даже ранее, чем сама медицинская ка-

рьера. В воспоминаниях Владимира Павловича есть замечательный литературный очерк «Кузьма Гусятников», к сожалению, не имея разрешения наследников, не могу привести его полностью здесь.

Перейдя на четвёртый курс медицинского университета, Володя Филонович, как и множество его товарищей, мечтал применить свои познания на практике, естественно, спасая беззащитное деревенское население. В деревне, в которую он приехал погостить на каникулах, местное население быстро прониклось к нему доверием. У хозяина усадьбы – местного землевладельца была возможность утолить жажду деятельности гостя и в итоге совместными усилиями создалась небольшая амбулатория. Крестьяне повалили в неё гурьбой. Аптечка пополнялась благодаря любезности соседнего земского доктора, инструменты тоже удалось насобирать вплоть до зубного ключа, с него-то и началась эта история.

В основном посетителями доморощенной амбулатории были деревенские женщины, дети, старики. Хозяин имения, любезно приютивший молодого доктора вместе с его идеями, подшучивал над гостем, напевая: «Доктор-лекарь, изпод Каменного моста аптекарь. Лечит девок, лечит баб, лечит малых ребят. Приходят на ногах, а увозят на дровнях».

Дошло дело и до хирургического удаления зубов. Вот в этот момент и возник на пороге приёмной рябой цыган Кузьма Гусятников. Кузьма собирался на ярмарку, но зубная боль скрутила этого рослого детину, настолько измучи-

да, что согласен он был на любое вмешательство, любую помощь доктора. К креслу он рванул, чуть ли не рысью, уселся и с готовностью открыл рот. Перед студентом-медиком явились сильно развитые челюсти с прекрасными ровными белыми зубами. Болевший зуб несколько не отличался от прочих чудных зубов, и даже жаль было дёргать его. Однако в то время других способов лечения зубов, кроме как удаление, в деревнях не применялось и доктору пришлось наложить ключ на челюсть. Зуб на применение силы никак не отозвался, не поддавался, не шатался, не качался и не вытягивался. Новоявленный зубной врач был молод и силён, поэтому к зубу были приложены вдвое большие физические усилия. Цыган взвыл от боли и подскочил в кресле. Коронка зуба откололась, корень же остался на своём месте. Кровь потекла струйкой по подбородку. Эскулап был немало удивлён, такого ещё в его практике не случалось, а потому он счёл необходимым исследовать операционное поле. Кузьма от услышанного взвыл ещё громче и взмолился об отпущении души на покаяние.

Пережитый конфуз не давал покоя Владимиру. Как же так?! Этого не должно было произойти! Этого не могло произойти с ним! Тем не менее, это случилось и, возможно, Кузьма не забудет об этом всю оставшуюся жизнь, расскажет обо всем многочисленной цыганской родне и закончится, не начавшись, карьера молодого, подающего надежды врача Владимира Филоновича. Терзания длились не так долго, как

могли бы.

Буквально пару дней спустя, возвращаясь от тяжёлых больных, которых имел обыкновение навещать на дому, Владимир заметил на центральной улице деревни толпу мужиков, что-то шумно обсуждающих, среди них был и Кузьма Гусятников, очевидно затевающий какую-нибудь сделку или пари. Заметив доктора, Кузьма начал ещё более оживлённо жестикулировать, улыбаться, что-то рассказывать. Доктор же, заметив, что его буквально пожирают глазами, смутился и помышлял скрыться, но как нарочно, поблизости не оказалось такого укромного места, где можно было переждать, пока народ разойдётся по своим делам. Впрочем, тут же сам себя обвинил в малодушии и усилием воли направился прямо к мужикам, твёрдо намереваясь чашу позора испить до дна и повиниться в неудачной операции – экзекуции. Кузьма, приближаясь к доктору, своим зычным голосом произносит: «Спасибо!» И спасибо это звучит вполне искренне. Оказывается, как только Кузьма вышел из кабинета доктора, боль сразу же прекратилась, «точно рукой сняло». Рассказывая подробности, Кузьма пожимал своими большими мозолистыми ладонями руку доктора. С тех пор они, можно сказать, подружились. На всех деревенских ярмарках, молодой доктор, как любитель лошадей крутился возле Кузьмы, любуясь его весёлым нравом, находчивостью, ловкостью и познаниями в «лошадином» деле.

В следующий раз семейству Гусятниковых потребова-

лась медицинская помощь через два с небольшим года. Бывший студент-медик уже служил земским врачом в крупном селе Дубовка, от которого семейство цыган Гусятниковых проживало в двух верстах, в селе Правые Ламки. Закон предписывал цыганам с целью искоренения бродяжничества приписываться к какому-либо сельскому обществу, Гусятниковы не стали исключением и даже соблюдали некоторые местные поверья, как например, то, что роженица легче разрешается от бремени, если об этом никто не знает. Поэтому доктора на роды звали в основном ночью, когда все односельчане спят или когда что-то пошло не так. В самую глухую ночь обычно звали на роды из самых дальних деревень, Атаманова угла или какого-нибудь ещё Медвежьего угла. Доктор в таких случаях выезжал обычно с акушеркой Марией Васильевной, которая одна чувствовала себя неуверенно по причине старческой тугоухости и в одиночестве выезжать отказывалась в последнее время, с доктором же чувствовала себя «как у Христа за пазухой» и не противилась ночным выездам. С ней же Владимир Павлович выехал как-то поздней осенью к роженице в Правые Ламки. Оказалось, помощь нужна Маришке, жене Кузьмы Гусятникова.

Маришка Гусятникова была необыкновенно хороша собой. Прочитав: «несмотря на испытываемые боли, Маришка была дивно хороша собой; громадные тёмные очи, именно очи, а не глаза, полуоткрытый рот, позволявший видеть ровные, как две нити жемчуга, зубы, необыкновенно

гармоничное сложение, фантастическая окраска кожи – всё это невольно пленяло меня». Однако нужно было не любоваться роженицей, а оказывать ей помощь. На ум как назло ничего не шло, нет учебник профессора Крассовского вчерашний студент знал «на зубок», а вот что из перечисленного применить, никак выбрать не мог. Он бы мог процитировать любую главу из руководства по родовспоможению на память, знал в теории, как нужно поступить в таких-то и таких случаях, от чего нужно воздержаться и переждать, если то-то и то-то, но какое такое то-то перед ним сейчас доктор определить не мог. Тем временем роженица продолжала стонать, умоляя помочь, дети плакали, глухая акушерка допытывалась, какой приём мы используем, Кузьма уговаривает быть смелее, всё это создавало атмосферу несколько перевозную и вынуждало решиться, наконец. Владимир Павлович громогласно велит Марии Васильевне готовиться к большой операции, моет руки и, засучив рукава, достаёт из саквояжа большие акушерские щипцы. Столь эффектные приготовления оказали волшебное действие. Неизвестно откуда в избе появилось множество женщин и все они взмолились: «Батюшка, родимый, убери ты свои инструменты и уезжай. Бог даст, Маришка родит сама».

Повеселевшие доктор и акушерка быстро собрались и отправились восвояси. На половине дороги совесть начала мучить доктора и он, нарисовав в своём воображении ужасные мучения Маришки, велел ямщику поворачивать обрат-

но. Мария Васильевна, успевшая к тому времени всхрапнуть, переполошилась, она почти до самых Правых Ламок не могла понять, что происходит. На востоке заалела заря, но не менее алело лицо доктора, краска стыда заливала его, Филонович ругал себя последними словами и умолял возницу гнать быстрее и ещё быстрее. Как стремительный ветер подлетели они к избе Гусятниковых. На встречу вышел улыбающийся Кузьма. Сияя радостно, поклонился в пояс и пробасил: «Спасибо! Спасибо тебе, только выложил ты на стол свои багры, как Маришка, бабы сказывают, собралась с силёнками и ты, той не успел доехать до Дубовки, как родился – посмотри какой – настоящий цыган». Словом, Маришка со страха разрешилась от бремени кудрявым существом бронзового цвета с карими глазёнками, по случаю чего все домашние были в приподнятом настроении. Доктора и акушерку усадили пить чай. На столе кроме громадного кипящего самовара сами собой появились пироги и водка. Дружеское расположение Гусятниковых к молодому доктору ещё укрепилось, а Кузьма с тех пор не находил нужным скрывать от него свои самые сокровенные дела, а подчас и тёмные делишки. В минуты излияния наивысшей благодарности Кузьма даже предлагал украсть для доктора самого лучшего в округе рысака. Этот самый лучший украденный, не для доктора, конечно, рысак сыграл впоследствии немалую роль.

Как-то зимним утром, затемно, примчался отец братьев Гусятниковых, Кузьмы и Ивана, с сумбурной просьбой прие-

хоть поскорее в Ламки к заболевшему Ивану. Выполняя свой врачебный долг, Владимир Павлович тут же собрался и выехал. Войдя в избу, он увидел перед собой укутанного тулупами, громко стонущего человека. Каково было удивление доктора, когда он понял, что перед ним не Иван, а Кузьма. Братья заметно различались между собой, Иван был гораздо выше, стройнее и лицо имел чистое, не рябое. Однозначно, это не Иван. «Здравствуй, Кузьма» – поприветствовал доктор старого знакомого. Весь табор разом то ли с испугом, то ли со злобой загомонил: «Что ты, батюшка! Иван это, а не Кузьма!» Доктор засомневался, может болезнь так изменила человека, хотя и болезни никакой не было видно: отличный пульс, нормальная температура и никаких признаков страшной хвори. Меж тем больной продолжал истошно стонать. В это время как раз подоспел священник. Тот тоже назвал Ивана Кузьмой и не мог сообразить, в чём подвох. Опять же судя по стонам, батюшка поверил, что больной при смерти и напутствовал умирающего, причастил и приобщил святых тайн. Но тайна непонятного сходства осталась. Многочисленная семья Гусятниковых на разные лады твердила, что Кузьма уехал в Колбасово и до сих пор не вернулся. Доктор и священник озадаченные вышли на крыльцо и заговорили о странной болезни Ивана Гусятникова. Владимир Павлович, опасаясь обвинений в невежестве, напустил туману, наговорил учёных фраз, медицинских терминов, упомянул первую почву и какую-то подкладку, чем ещё больше сму-

тил старика-священника. Тому пришлось сделать вид, будто он удовлетворён объяснениями, с чем и разъехались каждый в свою сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.